

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Вася Дикий

18+

МОР

Вася Дикий

МОР

«Автор»

2018

Дикий В.

МОР / В. Дикий — «Автор», 2018

Кому какая разница, что еще один человек умрет по собственной глупости и никчёмности? Пострадают, возможно, только его родственники, не замечавшие или игнорировавшие опасные звоночки. Многие из них скажут, что даже и не подозревали, что он на такое способен. А он вот взял и «отважился» свалить от них куда подальше. Содержит нецензурную брань.

© Дикий В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

ПАША	6
ВИКА	20
САША	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Вася Дикий

МОР

Кому какая разница, что еще один человек умрет по собственной глупости и никчёмности? Пострадают, возможно, только его родственники, не замечавшие или игнорировавшие опасные звоночки. Многие из них скажут, что даже и не подозревали, что он на такое способен. А он вот взял и «отважился» свалить от них куда подальше.

ПАША

Паша работал не покладая рук, чтобы прокормить семью. Трое детей – это вам не шутки. Настругал он их быстро и не нарочно, но не стал прятаться от ответственности, как шкодливый кот, нассавший под диван.

Жена Лена стала жирной коровой, обросшей целлюлитом и перманентной головной болью, препятствовавшей исполнению супружеского долга. После пары лет воздержания, разбавляемого мастурбацией и редкими совокуплениями по праздникам, Паша решился на измену. Он был из тех, для кого поход налево не является нормой, но семейная жизнь высосала из него все соки вкупе с желанием хранить верность.

Сил на новые знакомства у Паши не было, а заводить интрижку на работе казалось неблагодарным, так же, как и насаживать соседок; хотя некоторые из них были вполне привлекательны и одиноки. Решение напрашивалось само собой, но к продажным женщинам Павел относился крайне брезгливо. И это несмотря на то, что на паре его бывших, включая супругу, и пробу негде было ставить. Сие ни в коей мере не мешало ему пользоваться ими и в хвост, и в гриву.

«В хвост» Лена, между прочим, никогда не давала, что крайне удручало охочего до подобных утех Павлушу. Но он стойчески терпел, с первых дней надеясь, что когда-нибудь она созреет. Слова же самой Елены о том, что она не сделает этого никогда и ни за что, его, почему-то, не убеждали.

В общем, к моменту, когда Паша решился «прикупить себе тёлочку», его яйца так одеревенели, что никакая мышка бы не разбила их ни хвостиком, ни топорищем.

Он в решительной неуверенности зашёл в недорогой отель – нужно было экономить, чтобы купить старшему портфель в первый класс – и подошёл к стойке регистрации. Соответствующая беззвёздности отеля ресепшионистка недовольно улыбнулась и поздоровалась так, что лучше бы прокляла.

– Есть свободные комнаты? – проскрипел Паша. Испуг на пару с волнением сжал горло, так что он чувствовал себя хуже, чем пресловутый нассавший кот.

– Комнаты? – хмыкнула женщина. – Смотря какие.

Паша хотел сказать, что его интересует самая дешёвая, но под пристальным взглядом побоялся признаться в собственной неплатёжеспособности. Ведь не будет он, в конце концов, объяснять, что не тянет фешенебельный отель, потому что у него дома три спиногрыза и свиноматка, вечно просящие кушать.

– Одноместные. Попроще...

– Одноместные попроще, – повторила женщина, уткнувшись в монитор компьютера, такого же ветхого, как и эта ночлежка. – Да, есть. Общий санузел, тысяча за ночь.

– Тысяча? – переспросил Паша, рассчитывавшей рублей на семьсот.

– Тысяча.

– Угу...

Павел поджал губы, но полез за бумажником.

– Если кого-то будете приглашать, – хмыкнула администраторша, – то полторы.

Вскоре на стойке появились две бумажки: тысяча и пятьсот рублей.

– Выезд из номера до двенадцати.

– Я раньше уйду.

Ресепшионистка оперлась рукой на стойку и вздохнув, «вежливо» поинтересовалась:

– Свидание?

Паша сглотнул и молча кивнул.

– Ох, вы любвеобильные. Есть номера по пять сотен за час.

Паша выдержал паузу. Не по своей воле, но довольно эффектно. Собрался с мыслями и попросил номер на один час.

– Если что, можно будет продлить?

Женщина снова хмыкнула и кивнула.

– Продлим.

– Спасибо...

– Да пока не за что. Паспорт.

Паша нерешительно протянул паспорт, боясь, что жена сможет его вычислить, как в детективных кинолентах.

– Вот ключ, номер двадцать первый. Второй этаж, первая дверь слева.

– Спасибо.

– Пожалуйста-пожалуйста.

Паша направился по указанному маршруту, мысленно сбрасывая с себя помои презрения, вылитые администраторшей. «Сама-то есть никто, – думал он, пытаясь вернуть самообладание и повысить втопанную в грязь самооценку. – Чёртова сука. Продлит она. Язык лучше свой укороти».

Придя немножечко в себя в захолустном номере, навевавшем тоску постсоветского пространства, Паша полез за телефоном. Чуть помешкав, набрал номер, выписанный с одного сайта интимного назначения. Попросту говоря, сайта с проститутками. Он заранее подобрал неказистенькую дешёвую бабёнку, в круг «интересов» которой входили оральные ласки, по которым он так сильно соскучился. Более жесткие меры Павлуша решил пока не предпринимать, ибо боялся, что уже забыл, как это делается.

– Как чёртов Холден, – прыснул Паша, вешая трубку после вызова продажной бабы. – Что ж ты делаешь со мной, Ленка?..

С минуту он помолчал в оглушительном стуке собственного сердца и подошёл к окну, чтобы посмотреть на бессмысленных прохожих и бездушные машины, мчащиеся по «важным» делам. Все куда-то идут, спешат, чего-то боятся. Боятся не успеть, боятся опоздать, боятся что-то сделать и боятся не делать ничего, поэтому страдают или наслаждаются всякой фигнёй.

А он? Что он? Чего он боялся? Проще было перечислить, чего он не боялся. Он не боялся бабушкиных пирожков, которые ел каждое утро в деревне, когда был маленьким. Конечно, было бы странно бояться пирожков, тем более любимой бабули. Но ему было страшно, что эти воспоминания – единственное, что есть хорошего в его жизни. Были ещё школьные друзья и футбол во дворе, вертихвостка Катя из параллельного класса и первый минет на первом курсе в общаге. Но всё это уже было. Всё стало прошлым, а настоящее пугало серостью, однообразностью и безнадежностью. Всё шло по накатанной, а точнее скатывалось вниз. В глубокую-глубокую жопу, из которой пока что был виден свет в конце «тоннеля», но крайне тускленький и ослабевающий с каждым днём, шагом и вдохом.

Резкое дребезжание вырвало Пашу из размышлений, и, вздрогнув от неожиданности, он бросился к телефону на прикроватной тумбочке.

– Ал-л-лё? – выпалил он, почему-то, уверенный, что звонит жена.

– К Вам посетитель, – раздался знакомый голос дамы с ресепшена.

– Д-да, спасибо.

Гудки. Паша повременил, думая, что ему ещё что-то скажут. Потом положил трубку и стал ждать, сгорая от волнения и стыда.

Вскоре в дверь постучали, Паша прочистил горло и сказал: «Открыто!», – потом вспомнил, что запер дверь на ключ, и бросился открывать оплачиваемой гостье.

Вместо неприветливой мины, которой Паша так боялся, его встретила пусть не голливудская, но улыбка.

«На работу как на праздник, – подумал Паша. – Вот бы и мне так... Нет, не на такую работу, конечно, а на свою дерьмовую работёнку как на праздник...»

– Привет, – поздоровалась девушка не первой свежести.

– П-привет.

Она бесцеремонно прошла внутрь, уселась на кровать и сказала:

– Деньги вперёд.

– А... да-да, конечно.

Паша расторопно достал заранее заготовленную сумму и сунул Аделаиде, если указанное в анкете имя было настоящим. Та спрятала ещё не отработанное в ридикюль и откинулась на спинку кровати.

– Чего желаете?

– Я... ну...

Паша уже пожалел, что решился на эту авантюру. И дама была далеко не первого сорта, и его «маленький друг» весь съёжился от страха, и вообще всё было таким мерзким, неестественным и противным, что хотелось просто сбежать в свою кроватку, укрыться одеялом и проваляться так до самого Апокалипсиса.

– Начнём с минета?

– Можно, – согласился Паша, несмотря на душевные метания, и остался стоять у открытой двери как вкопанный.

Ада засмеялась и, подойдя к клиенту, захлопнула дверь.

– Первый раз?

– Т-так заметно?

Она кивнула, задорно улыбнувшись, отчего в уголках глаз заплясали гусиные лапки.

– Просто расслабься, – с этими словами проститутка опустила на корточки и стала покусывать на ширинку Павлуши.

– Угу, – промычал он и вытянулся по струнке, молясь, чтобы его приборчик зафурычил.

Поначалу страх затмевал всё, но вскоре естество взяло верх, и Паша с удивлением обнаружил, что на место переживаний пришли давно позабытые ощущения: прикосновение женских рук и губ, мурашки по коже, овладевающее сознанием и телом желание.

Это было то, ради чего он всё это затеял. Его мучения оказались не напрасны и окупились в сто крат. Он фонтанировал точно брандспойт и с трудом мог вспомнить, когда его так выворачивало наизнанку.

– Покурим? – доведя дело до победного конца, предложила Ада.

– Я не курю, – выдохнул Паша, всё ещё не придя в себя.

– Ты и с проститутками не спишь, – хмыкнула она. – Всё бывает в первый раз.

Паша спорить не стал и послушно взял прикуренную сигарету. Он затягивался и думал о том, от чего всё это время отказывался. И вспоминал много другого, чего был лишён своей супругой, пребывающей в бесконечной мигрени.

Табак прогорел до фильтра, и грязные хлопья пепла приземлились на плохо выстиранную постель. Паша всё ещё держал окурочек, разглядывая его, как священную реликвию.

– А можно я тебе? – наконец спросил он.

– Ты мне? – засияла Аделаида.

Паша неуверенно кивнул.

– Нужно, – засмеялась она и охотно раздвинула ноги.

Раньше Лена не отказывалась от оральных ласк, и Паша с удовольствием ублажал её. Но шли годы, килограммы прибавлялись и делали процедуру гораздо менее приятной для обоих. Ленино желание угасало с каждой съеденной булочкой и гормональным сбоем, а Пашины отчаянные попытки получить «доступ к телу» терпели ставшее привычным фиаско.

Но тут Павлуша оторвался по полной и вспомнил, что такое «запах женщины». Правда, Ада могла быть повнимательнее к личной гигиене, но в кураже и дурмане похоти, ненасытный клиент не придавал этому особого значения.

Потом настало время самого акта, и Паша не был нежен и чуток, он рвал Аду как Тузик грелку и не чувствовал ничего кроме неописуемого кайфа и животной агрессии.

Когда Ада ушла, Пашу вырвало. Он еле успел добежать до общего туалета. Исторгнув из себя недопереваренный перекус в виде хотдога, он заплакал.

Паша никогда не изменял своей супруге, какой бы жирной и безразличной к нему она ни была. Никогда, до сегодняшнего вечера. Его трое детей ждали его дома, пока он ковырялся в гениталиях этой недомытой продажной женщины. Ему стало так противно. Противно от неё, от того, что он сделал, от себя самого.

Проревевшись, Паша умылся, привёл себя в относительный порядок и покинул ночлежку уверенный, что ноги его здесь больше не будет.

Стоя перед дверью в свою занюханную двушку, он пытался подавить неприятное чувство, которое многие описывают как «сосёт под ложечкой». Оно было вызвано недавним сосанием Ады вовсе не под этой самой ложечкой и последующими мероприятия, порицаемыми за пределами супружеского ложа. Ему так хотелось всё исправить, хотелось загладить, даже зализать свою вину, что не терпелось поскорее обнять любимую супругу и попросить прощения. Молча, без признаний и оправданий. Он бы, может, даже букет купил, но баррель вырос и не оставил цветочкам шанса.

Несмотря на ярое желание поскорее заключить Лену в объятия, Паша топтался в нерешительности и теребил в руках ключи от квартиры. Он боялся, что она всё поймёт. И что не поймёт ничего. Его буйную голову даже посещала мысль о чистосердечном признании, но здравый рассудок мигом напомнил, какой Леночка бывает в гневе, и что весит она раза в два больше его и детей вместе взятых – так что с раскаяниями на такие темы шутки плохи.

В конце концов дальше тянуть было уже глупо, так что Паша взял себя в руки и заставил одной из них сунуть ключ в скважину и повернуть его по часовой стрелке.

Леночка смотрела свой любимый сериал, звуки которого доносились из спальни. Дети возились в комнате и не замечали прихода папика. В общем, ничто не походило на идиллические фильмы, в которых радостный отец семейства кидает шляпу на вешалку и кричит с порога «Honey, I'm home!» От этого Паше стало ещё тоскливей, и он наспех сбросил ботинки и поторопился к Лене.

– Подожди ты, – недовольно буркнула она, когда супруг со всей страстью и отчаянием попытался её обнять. Паша не послушался и только настойчивее потянул свои руки. – Ну вот из-за тебя всё пропустила!

«Ну и пошла ты!» – безмолвно бросил отвергнутый муженёк и удалился в уборную, чтобы принять душ после кто-его-знает-с-кем-спавшей Аделаиды.

В результате необдуманного жеста супруги Паша вспомнил, что его толкнуло на соитие на стороне. Отсутствие секса было лишь каплей в море. Истинные причины лежали куда глубже.

После душа он наскоро перекусил остывшей едой и молча лёг спать.

По завершению сериала Лена уложила детей и тоже завалилась на боковую, забыв стряхнуть крошки от булочек и печенья, без которых сериал казался неполноценным. Она так и не поняла, что что-то очень сильно изменилось и больше никогда уже не будет прежним.

Как не самое удачное путешествие спустя время в воспоминаниях превращается в отпуск мечты, встреча с Адой с мерзким послекусием с каждым днём приобретала заманчивые оттенки и вызывала всё меньше отрицательных эмоций и всё больше новых волн вожделения.

Когда секса нет, его не хватает. Когда секса мало, мысли о нём сводят с ума. Так что, дорвавшись до тела и дела, Паша никак не мог найти себе места. При каждом удобном случае

он предавался рукоблудию, но и это не помогало. Ему нужно было тело. Желательно, женское. И, желательно, живое.

Раньше дорога домой казалась сущим адом: толпы трущихся друг о друга людей в метро, духота и нескончаемый шум транспорта, болтовни и собственных мыслей, пропитанных ненавистью ко всему окружающему. Теперь же всё изменилось, дорога на работу и обратно была гораздо приятнее ковыряния в офисных бумажках и телефонных звонках.

Однажды Паша, бурлящий мыслями о желанном соитии, вошёл в переполненный вагон, утрамбовав молоденькую девчушку, явно спешившую на учебу. Её пышные груди от возмущения выпрыгнули из декольте, и она издала возглас, подобный тем, что может услышать умелый любовник в ответ на свои усердия.

– Прошу прощения, – улыбнулся Паша, разглядывая прелести собеседницы.

Она явно была не из тех, что блюдут честь и достоинства смолodu, потому кокетливо так заулыбалась.

Трение продолжалось несколько станций подряд, и Пашин маленький дружок не мог это проигнорировать. Ощувив его пробуждение, девушка смутилась, но было очевидно, что она польщена таким вниманием. Вскоре она вышла, бросив прощальный взгляд, в котором читалось сожаление о том, что всё закончилось ничем.

С тех самых пор Паша с нетерпением ждал трения о чужие тела и специально подбирал попутчиц. В лютые часы пик он пропускал страшеньких, старых и убогих вперед, также уступал пальму первенства непрекрасному полу, чтобы не довольствоваться трением об их гениталии и пивные животики. Обычно процедура кастинга надолго не затягивалась, ибо хороши были женщины в русских селениях, так что Паша приезжал на работу и домой в приподнятом настроении. Частенько по приезду ему его опускали, но время дороги принадлежало только ему. Он самозабвенно искал позы поинтереснее, чтобы «невзначай» прикоснуться к груди или пятой точке выбранной жертвы. Эти прикосновения приносили ему неопишное наслаждение, воспоминание о котором он потом использовал в минуты уединения с ручным трудом.

Как-то по дороге домой на платформе он увидел красивую, очень красивую, девушку. Она была одета не по погоде и красовалась в чем-то на бретельках, несмотря на дождь и ветер. В чём именно была незнакомка, из-за толпы рассмотреть не удавалось, были видны только её обнаженные плечи, волнистые тёмно-рыжие волосы, ярко-красные губы и эти желтые бретельки в редкий бордовый горошек. Паша настырно протиснулся между женщиной и парнем, не обратив внимание на их праведный гнев по этому поводу. От девушки пахло манго, что еще больше одурманило Павлушу на фоне всеобщего фекально-генитального амбре. Незнакомка посмотрела на нового соседа, задевшего её при приближении, и отвернулась с невозмутимым видом. Когда подошёл состав, все ломанулись, как полоумные, стараясь втиснуться в его недостаточно разверзшиеся жерла и трамбуй тех, кому не посчастливилось вовремя выйти.

Паше так хотелось обладать этой девушкой, что в последнее мгновение он не удержался и, только проводив поезд, понял, что, когда её «вносили» в вагон, юркнул всей пятернёй ей под юбку. Теплая влага её вспотевших ляжек и гладкость трусиков оказались достаточными, чтобы он попросту спустил в штаны.

Это было как прекрасно, так и ужасно, прям как та встреча с Адой. Будучи с ней, он отключился ото всего на свете и просто дал волю тому, что подавлялось и скрывалось в нём долгие дни, недели и даже годы, а потом блевал и чувствовал себя наимерзейшим образом.

Теперь его охватило жуткое чувство стыда. Ничего подобного он в жизни не испытывал. Захотелось сжаться в маленький комочек и всосаться в чёрную дыру, чтобы больше никогда-никогда не чувствовать этот ужасающий стыд.

– Ну ты идёшь?! – рявкнул толстый мужчина.

Паша опомнился и влился с потоком в новый состав, погнавшийся следом за тем, в котором укатила облапанная им девчонка.

«Что же я... извращенец, получается?.. больной какой-то?»

«Конечно, извращенец! – выкнул внутренний голос. – Какой нормальный мужик будет жить с такой жирухой-женой?!»

От этой мысли по коже пробежала нервная дрожь, будто кто-то внезапно пустил разряд тока. Так думать было скверно, но именно это Паша и думал, хотя не хотел себе признаваться. Вот и на этот раз он прикусил язык внутреннему голосу и вместе с ненавистью испытал к жене вымуштрованное чувство благодарности. Ведь она родила ему троих детей и мужественно тянет эту лямку: воспитывает, кормит, водит их на прогулку. Нельзя так говорить о своей супруге. Всё же не за внешность он её выбирал, хотя при знакомстве она была той ещё штучкой.

Лена была раз в пять, а то и в шесть худее. Без всяких преувеличений. Форменная красавица! Густые шелковистые волосы, пышная грудь, стройная талия, плоский животик и округлая попка, за которую так и хотелось ухватиться. Вот и хваталось за неё прорва народу. Да и не просто хваталось – Леночка ещё могла бы дать фору опытной Аде.

Но то были дела давно минувших дней. От бывлой красоты остались только отголоски, прятавшиеся за толстыми слоями жира и «апельсиновой корки». Лицо всё же оставалось привлекательным, что в какой-то мере даже удручало, потому что при взгляде на бесформенную Елену Прекрасную тут же возникала мысль «как жаль, что такое красиво лицо «надето» на столь отвратительное тело». Прямо как любимое мороженное, испачканное в говне – ты его так любишь, но есть в жизни не станешь, даже под дулом пистолета.

Ну хорошо, под дулом, возможно, ещё и сподобишься...

Дома снова все были заняты своими делами. На кухне стыл наскоро сварганенный ужин: дешёвые пельмени с майонезом и куском хлеба, – никто не встречал отца семейства, получасом ранее облапавшего незнакомую девушку в метро.

Паша разулся и прочапал к своей тарелке с пылменьями. Есть вовсе не хотелось, но раз жена готовила, то надо. Таким образом он стремился загладить вину за то, что гладил посторонние гениталии в подземке. Слабое искупление, надо сказать. Лене бы больше понравилось, если бы он оставил все эти пельмешки ей. Она очень любила густо заправить их майонезиком, поперчить от души, а горбушечку чёрного хлебушка намазать чесночком и запивать всё это дело огуречным рассолом. Красота!

Борясь с отсутствием голода, Паша безропотно умял свой ужин и остался сидеть перед пустой тарелкой, тупо смотря в одну точку. Он думал о том, что сегодня произошло. О том, как мерзко он поступил, и как приятно и тепло было между ног у той красотки. Паша сглотнул и сжал челюсти, ощущая дурманящее чувство безрассудной похоти. За стенкой мать его детей, его законная супруга валялась в кровати перед теликом и уплетала свои булки, запивая их холодным молоком; в другой комнате детишки возились с игрушками, а старшая читала простенькую сказку, в то время как он думал о влажном уюте между ляжками посторонней бабы.

Мозг отключился, Паша ещё не успел испугаться и сообразить, что происходит. Он потянулся в брюки, вознамерившись передернуть в отсутствие свидетелей.

– Пришёл?

Пашка чуть в обморок не упал от неожиданности и резко вытащил руку из труселей. Лена полезла в шкаф за новой порцией вкусностей, чтобы досмотреть сериал как подобает, и даже не обратила внимания на то, где её муженек шебуршит своими вездесущими ручонками.

– Угу, – проскрипел тот, немножечко начав возвращаться к реальности. Он чувствовал себя преступником, пойманным с поличным; но Лена была где-то в своём мире, где не было чужих промежностей, Ад и тайных супружеских мастурбаций перед пустой тарелкой от пельменей.

– Поел?

– Угу...

– У меня ща реклама закончится.

– Угу...

На том и порешили.

На утро Паша хотел сказать себя больным, потому что боялся повторения вчерашнего. Боялся, что не сможет себя контролировать. А вдруг кто-то увидят? Застукают и обвинят в харайсменте! Ещё и до тюрьмы и до Ленки дойдёт всё. Но в то же время ему так хотелось оказаться в этом душном месте рядом с какой-нибудь молодой девчушкой, которая прижмется к нему своей попкой или грудями и будет тереться в такт стуку колёс. Возможно, она даже не заметит его эрекции, но он-то точно всё прочувствует и весь день будет подкармливать себя воспоминаниями об этих недолгих минутах радости, а если повезёт, то и о целом получасе.

Желание перебороло страх и попытки откреститься от роли извращенца. И всё это несмотря на неприятные мысли об исходе субъекта с подобной манерой поведения.

На счастье ли, или назло, пробраться к представительницам прекрасного пола с привлекательной внешностью было гораздо сложнее обычного. Будучи человеком не самого смелого племени, Паша не стал расталкивать группу парней в наколках, чтобы дотянуться до милой девушки в белой футболке и ярких наушниках. Она смотрела прямо перед собой и отрешённо жевала жвачку. Её светлые волосы, выбеленные тоннами перекиси, развевались на ветру приближавшегося поезда. С пофигистическим видом она позволила внести себя в вагон и ехала так до своей станции, будто полностью потеряла интерес ко всем представителям человеческой расы.

И надо же было Паше выбрать именно эту девчонку. Что-то внутри подсказывало, что он должен её пощупать. Нездоровые мыслишки толкали его на погоню с целью домогательства, но остатки здравого смысла не дали дёрнуться ни одному мускулу в её направлении. И незнакомая пофигистка была такова, без всяких преследователей смешавшись с толпой.

Всю оставшуюся дорогу Паша думал о ней. О её отрешённом виде и движениях губ, время от времени размыкавшихся и снова смыкавшихся по велению жвачки. Он желал её, как одурманенный кот, учуявший валерьянку.

Весь день Паша фантазировал о том, как было бы приятно проехать с ней рядом. Дела не делались, а мысли об этой девушке настойчиво думались, вытесняя из головы всё, что к ней не относилось.

Вместо перекуров Паша бегал на «передёргивания», надеясь, что в туалете не установлена камера. Он выдоил себя до такой степени, что, будь он коровой, его вымя бы схлопнулось, как сдтая резиновая перчатка.

Его одолевали идеи о новой встрече с Пофигисткой. И о продолжениях этих встреч. Вот она соглашается пойти с ним «в нумера», и тут он вспоминает, что не может позволить себе нормальную гостиницу. Таких девушек не имеют на расшатанной тахте, как Аду. Таким нужны хоромы. Ну три звезды, как минимум. И не такие, где одну пишу и две в уме, а нормальная такая троечка с большой кроватью и чистым полом, на котором не найдёшь лобковые волосы предыдущих постояльцев.

Подобные размышления наводили хандру. Хороший номер на час не снимешь – это не грязный угол, в котором можно потереться друг о дружку и предоставить место следующим помоишникам. Тут всё серьёзно – клининг, дезинфекция. Кто будет этим заморачиваться из-за одного только часа? Нет, конечно, премиум за несколько тысяч и на час дадут, но за такие деньги проще снять неплохой номер на сутки. В общем, всё упиралось в деньги, которых вечно не хватало. Несмотря на эту нехватку, Лена вечно жрала, и не думая экономить на продуктах. Она неизменно обкрадывала мужа: это тебе не надо, и без этого обойдёшься, – он третий год носил одни и те же ботинки с брюками, не имея права на обновку.

Пораскинув мозгами, Паша узрел некую несправедливость. Он впервые задумался о том, что суммы, которую его ненаглядная и необъятная сжирала за неделю, вполне хватило бы на новые ботинки. Да, не самые лучше, но уж никак не хуже тех, что он вынужден носить сейчас.

«Свинья», – злобно выругался Паша. Ведь каждую неделю она фактически захамячивала его законную обуюку. Причём это только она одна вдобавок к обычной пише, то бишь бонусом. Сумма не включала того, что Ленка ела из «общего котла», точнее, из общих кастрюли и сковородки. Леночка завела себе на кухне собственный шкафчик, к которому не подпускала никого из домочадцев. Там она хранила всякие вкусности, согревавшие её мятежную душу по средствам обогрева тела увеличивающейся жировой прослойкой. Этот шкафчик постоянно пополнялся печеньками, булочками, шоколадками, конфетами, газировкой, чипсами, сухариками и прочей дребеденью. Но в нём всегда оставалось место для чего-нибудь ещё вкусенького, ибо Леночка подтачивала запасы со скоростью Миг-25. Павел удручённо подумал о том, что жинка стабильно съедала тортик каждую неделю. Она могла не угощать им никого, говоря ребятам, что детям много сладкого вредно, а супруг вообще в расчёт не принимался – перебьётся.

И с чего бы это Паше быть такой тряпочкой и терпеть подобное отношение? Всё началось не на ровном месте, но причина перемен, произошедших в Лене, являлась табуированной темой. Вторая беременность была совершенно некстати. То же самое можно было сказать и об остальных трёх, но вторая отличалась тем, что Паша настоял на аборте. Сказать, что он вынудил Лену, было нельзя, но он озвучил своё предложение и аргументировал его так, что прерывание беременности показалось единственно верным решением. Операция повлекла за собой сильный гормональный сбой, депрессию и прочие «прелести». С тех пор Паша старался молчать в тряпочку, в которую превратился, и влачить жалкое существование под гнётом чувства вины. Порой он даже думал, что немножечко счастлив, но сейчас, в эту самую минуту решил, что с него хватит. Перебьётся Ленка с пончиками. Сколько можно искупать свою вину, а?! В конце концов, она сама дала выскоблить из себя зародыша, он её за руку не тянул.

До полочки оставалась пара дней. Паша прикинул, что сможет позволить себе неплохой номер для плотских утех. Жене скажет, что зарплату урезали. Она, конечно, выразит своё недовольство, покудахнет и пойдёт заедать очередной удар судьбы, а Павлуша преспокойненько даст волю собственным желаниям и гениталиям на нейтральной территории.

Вот только звать пока было некого. Знакомиться с девушками Паша никогда не умел, а уж теперь-то спустя столько лет брачного одиночества забыл, что такое в принципе возможно. Потеряться – это одно, а вот заговорить!

Через два дня он получил вожеленные деньжата, но записаться в номере было по-прежнему не с кем. Звать Аду больше не хотелось, а вот секиса хотелось, поэтому Паша решил раскошелиться и заказать себе кого-нибудь попримечнее потасканной куртизанки. Исследовав недра интернета до самого дна, он смог откопать сайт с элитными индивидуалками с собственными апартаментами. Благо, он сидел спиной к окну, и никто из сослуживцев или вышестоящих товарищей не мог засвидетельствовать того, чем этот нерадивый сотрудник занимался в рабочее время.

Выбрал Паша себе молоденькую девочку – уж очень не хотел он кувыркаться с залежалым товаром. Выйдя из офиса, отошёл подальше в парк, протянувшийся вдоль дороги до метро, и набрал заветный номерок. Руки тряслись, как и поджилки, голос дрожал, а дыхание прерывалось из-за гулких ударов сердца, но он это сделал.

Элитная индивидуалка Гера назначила время визита, выпадавшее на следующий вечер, и повесила трубку. Ему очень хотелось записаться на сегодня, но, к его великому сожалению, Герочка была занята. Голос у неё был приятный, ласковый и соблазнительный, что мигом подстегнуло эректильную функцию.

Ожидание завтрашней аудиенции сразу показалось обременительным, ибо встреча стала представляться прививкой, которую хочется поскорее сделать, лишь бы не бояться. Но, несмотря на все свои недостатки, Паша слегонца «включил мужика» и вытерпел положенные сутки.

Гера жила в одной станции метро от Пашиной работы, так что он с полной самоотдачей наврал жене о том, что у него аврал, и направился в «приёмную» вип давалки.

Он нерешительно, как и многое в его жизни, набрал номер квартиры на домофоне и стал ждать ответа. Без лишних слов дверь открылась, и Паша проследовал к лифту. Там он прихорюшился перед зеркалом, проверил свежесть дыхания и прокашлялся, пытаясь избавиться от комка волнения, предательски перегородившего горло.

– Здравствуй, Паша, – сказала девушка, стоявшая в дверях.

– П-привет, – выстрадал Павлуша, оглядывая длинные ноги его скорой партнёрши по соитию.

– Заходи.

Она улыбнулась и освободила дверной проём.

Гость с опаской зашёл в квартиру и удивился тому, как хорошо живут проститутки. Он мигом прогнал от себя мысль о том, чтобы сменить профессию, ведь на элиту он никак не тянул, а чемулозгать у малоимущих, как Ада, было даже хуже его нынешней работёнки.

– Хочешь сразу начать или сначала поговорим? – промурлыкала гостеприимная хозяйка и провела ладонью по щеке остолбеневшего Паши.

«Это тебе не «деньги вперёд», – восхищённо подумал он и уставился на просвечивающиеся через пеньюар груди. «Бог ты мой, вот это сиськи!»

В штанах сразу что-то зашевелилось, и Паша даже догадался, что именно, хотя к тому моменту от мозга уже отлила кровь, и все мысли направились туда, где происходило шевеление. Ему было явно не до разговоров, и платил он вовсе не за них, так что мигом осмелел и потянулся к своей ширинке.

– А ты не разговорчивый, – заметила Гера, расплывшись в плотоядной улыбке. – Мне это нравится, – шепнула она на ушко и юркнула к промежности клиента.

Тот аж обомлел и всё диву давался, насколько выше классом эта элитная девочка и во внешности, и в словах, и в манерах и, что крайне похвально, в технике.

Облобызал он её на огромном эмоциональном подъёме, отметив приятную чистоплотность Геры. Казалось, она прошла по себе дезинфектором, а потом легонечко заполировалась какими-то крайне очаровательными и явно чрезвычайно дорогими духами.

Как же приятно было кувыраться с этой девчушкой, отвечавшей неизменным «да» на все Пашины молчаливые предложения. Она без слов понимала, как ей лучше лечь, куда встать и где подлизать.

Сказку оборвала приглушённая мелодия, сообщавшая о том, что время вышло. Паша машинально оделся, расплатился и покинул квартиру.

– Я всегда тебе рада, – сказала Гера на прощание.

– А... – Павел замялся перед лифтом. – У тебя сейчас нет ещё времени?..

– К сожалению, нет, милый. Ты звони.

Она послала ему воздушный поцелуй и спряталась за закрывшейся дверью.

– Я позвоню... – пролепетал Паша, всё ещё не имея сил прийти в себя.

То, что было у него раньше, оказывается, и сексом-то назвать нельзя. А она, Гера, – просто волшебница какая-то, вызвавшая из его маленькой лампы настоящего джина. Считай, все, кто были раньше, могли только уныло насвистывать на его кожаной флейте, а эта дива сыграла непревзойдённую симфонию.

Одурманенный и замороженный Павлуша нелепо улыбался и прикрывал дипломатиком неугомонное мужское достоинство, готовое к новому бою. Час пик уже почти прошёл, и тереться было не очень прилично, сразу же бы заподозрили неладное.

Дома снова был День Сурка: дешёвые остывшие пельмени, хомячащая в кровати перед телевизором жена и играющие в своей комнатухе дети.

Есть совершенно не хотелось, несмотря на голод, меркнувший за сияющими брызгами эйфории. Благо, у Лены была крайне важная серия, в которой наконец-то выяснится, кого же по пьяни обрюхатил Антон, так что она не видела светящейся физиономии мужа, иначе догадалась бы обо всём, даже со своей полной нечувствительностью к его эмоциональному фону.

Паша метнулся в душ, чтобы смыть с себя частицы Геры, её парфюм и следы помады на интимном месте. Он так замечтался, играя со своей одноглазой змеей, что дошёл до мыслей о том, каково бы это было возвращаться домой к такой, как эта элитная леди, а не к пышке, трижды разродившейся, отчего в неё можно было смело нырять с головой без малейшей опаски застрять.

Вряд ли, чтобы отделаться от лишних хлопот, Гера бы стала готовить ему дешёвые пельмени. Если только элитные. Паша облизнулся, смывая с тела продукт собственных тестисов, и ещё немного понежился под горячими струйками, ласкавшими его в меру мохнатое тело.

Негу нарушил стук в дверь и крик жены:

– Ты скоро?!

– Выхожу, – нервно ответил Паша. Он жутко испугался, что жинка прочтёт все его мысли, и порядком разозлился на неё за непрошеное вторжение в его идиллию.

– Я срать хочу! Открой!

Пришлось повиноваться и нюхать отходы жизнедеятельности законной супруги. Совмещённый санузел – не всегда удобная вещь. Вот если ты живёшь один, то это крайне сподручно: сделал свои грязные делишки и тут же подмылся; или купаешься ты такой, а тут тебя припёрло – шаг до толкана и ты «на коне».

Видя благоверную, трудящуюся на фаянсовом троне, Паша испытал отвращение, подумав, что Гера бы в жизни себе такого не позволила. Быть может, только если б её попросили. Хотя в резюме копро не фигурировало...

Вот ведь как супруги сближаются, что уже всякий стыд теряют и гадят друг перед другом, как собаки. Они это называют близостью. Паша тоже всегда так считал и даже не задумывался, как пагубно подобное «соседство» сказывается на либидо.

На фоне этого отвращения промелькнуло и другое чувство – чувство вины. Маленький червячок совести стал подтачивать корни такой манящей свободы, и Паша, сам того не поняв, обнял некогда даже любимую Ленку, всё ещё кряхтевшую на толчке.

– Ты чё?

Она аж вздрогнула от неожиданности.

– Люблю тебя, – проскрежетал Паша, с трудом выговорив такое, казалось бы, привычное «люблю». Он так много раз произносил это слово, сначала самозабвенно, потом нежно, затем просто по-привычке, а теперь, наверное, впервые выдавил его из себя, как Лена свои «богатства». Вот только ему это вовсе не принесло никакого облегчения. И удовольствия.

После посещения сортира Лена спросила мужа:

– Пельмени свои не будешь, что ли?

– Нет, кис, кушай, у меня живот че-то побаливает.

Киса пожала огромными плечами и умяла всё без остатка.

Паша лёг рано в надежде забыться сном, но к трём часам ночи всё ещё не спал, слушая размеренный храп супруги. Его так манила Гера, но так мучила совесть, что аж кишки скручивало. Он никак не мог решить, что делать, как быть с похотью и семьёй. Он завидовал тем бессовестным ловеласам, которые не испытывали чувства вины, насаживая то одну, то другую, пока дома ждала верная жена и семеро по лавкам.

Под утро он уже почти не соображал, посему решил, что завяжет с изменами, после чего относительно благополучно уснул. Ему снились всякого рода соития, девушки и их прелести. Проснулся Паша от нетерпеливого будильника, да с таким стояком, что хоть гвозди заколачи-

вай. Ничего заколачивать он не стал, только передёрнул немного в душе на дорожку, фантазируя об увиденном во сне; привёл себя в мнимый порядок и отправился на работу.

В метро была девушка. Конечно, было их там много и всяких разных, но такая была только одна. Её длинные волосы были убраны в косу, перекинутую через плечо, пухлые щёчки естественно румянились, а вздёрнутый носик придавал задора её невинному образу. Но невинность эта была обманчива, во взгляде читалась похоть. Она посмотрела на Пашу из-под длинных ресниц и спросила:

– Не могли бы Вы опустить зонтик? Он упирается мне в живот.

– Зонтик? – недоумевающе переспросил он, даже не успев смутиться из-за того, что она с ним заговорила.

– Э... да, – она расширила глаза, будто говорила о совершенно очевидных вещах.

– У меня н-нет з-зонтика, – Павлуша дошёл до той точки, когда вспомнил, что надо стесняться.

– Извините, значит, это не Ваш, – смутилась девушка.

И тут произошло то, чего Паша мог ожидать только в своих извращённых фантазиях: кто-то положил руку на его уже по-обыкновению стоящий детородный орган, и, судя по изменениям на лице недавней собеседницы, этим кем-то была она.

Рука тут же отдёрнулась, а девушка залилась краской.

– Я же говорил, что у меня нет зонтика... – на удивление отчётливо и без заиканий произнёс Паша. Видимо, маленький дружок сделал своё дело, вместе с заимствованной кровью, откачавший и стеснение.

Незнакомка выскочила на следующей же станции и с отчётливо написанном на лице ужасом проводила Пашу взглядом, когда состав снова тронулся, оставив её на перроне.

После этого он понял, что не сможет сдержать данное себе под утро обещание.

В этот же день он снова позвонил Гере. У неё было свободно только на завтра, так что он занял себе местечко под солнцем и вернулся к тяготам ненавистой работы.

Когда-то у Пашы были друзья, с которыми он взахлёб обсуждал свои реальные и выдуманные похождения. С появлением семьи стало не до них, и все товарищи как-то рассосались, так что теперь ему не с кем было поделиться историями о «волшебнице Гере». Она снова вытворяла такое, воспоминания о чём просто разрывали удовлетворённого неверного мужа. Он так хотел рассказать кому-нибудь обо всём происходящем с ним, что стал вести диалоги с теми самыми друзьями, просто вызывая в памяти их образы. Возможно, это пахивало шизой, но было просто-напросто крайним проявлением одиночества.

Паша взахлёб рассказывал им о том, как он охаживал её и в хвост и в гриву, порой пропуская внезапные улыбки во весь рот на своё одухотворённое лицо, отчего некоторые попутчики подозрительно косились.

– Она просто кудесница, – нахваливал Геру Паша перед своими воображаемыми товарищами. – Заглатывает, как карась опарыша.

От приведённого сравнения Пашу передёрнуло. Раньше он любил рыбачить. Отправится с друзьями на выходные к речке – так водка, рыба, черви. Травили байки у костра и матерились, что есть мочи.

Тягостная тоска по прожитым годам внезапно захлестнула с такой силой, что потопила восторг от посещения Геры. Но вскоре, так же быстро, как и появилась, грусть отпустила, обнажив приятные эмоции, которые немного померкли под натиском непрощённой печали.

Дома Пашу ждало новое разочарование – чувство вины.

Так и повелось: сначала Паша натраховался вусмерть, а потом мучился от своего бесконечного предательства.

В выходные он старался возиться с детьми и разговаривать с Леной, предпочитавшей болтать с подружками и смотреть однообразные захватывающие сериалы. Но мысли всё равно

тянули туда. Там были другие женщины, их дурманящий аромат духов и чистого тела. Порой он даже замечал, что некоторые из них влекут его запахом своего пота, не резкого, а какого-то пьянящего, относящего в доисторические времена, когда дикие мужики таскали баб в свои пещеры. Вот так и Паша хотел затащить их всех куда-нибудь и разом оприходовать.

Голова его вечно была забита сексуальными фантазиями на различные темы и позы. И с каждым днём Паши всё меньше оставалось для семьи. Быть с ними его заставляли чувства долга и вины, но никак не желание. Улыбки детей были просто галочками в листе индульгенции, и Лена не подозревала, почему её обычно уставший по выходным муж вдруг стал заниматься семейным досугом.

Так шли дни, за днями недели, высасывая деньги из и без того скудного бюджета для развлечений озабоченного папаши. Когда было невмоготу, а финансов на Геру не было, Паша пользовался услугами совсем замшелых продажных баб, чтобы хоть немного «вставило». Женщины стали для него настоящим наркотиком, и ему постоянно нужна была новая доза.

Вскоре Гера со всеми своими чудесами перестала вызывать былой восторг. У организма будто выработалось привыкание, и Паше нужно было что-то посильнее, чтобы реально торкнуло.

Спустя пару месяцев чувство вины было таким сильным, что вместо того, чтобы его заглуживать, Паша стал пытаться избегать общения с женой и детьми.

Он катился по наклонной и уже даже не сопротивлялся.

– За Машу! – произнёс тост плешивый сослуживец.

Маша лучезарно улыбнулась, а Паша залпом выпил бокал шампанского.

Он редко пил. Только по праздникам. Никогда не брался за бутылку, чтобы расслабиться или забыться. Бурная молодость осталась позади, так что последние несколько лет Паша ни разу не допивался даже до состояния легкого опьянения. А тут его понесло. За первым бокалом последовал второй, потом третий и так до тех пор, пока Паша не окосел и не стал приставать к имениннице.

Особой красотой Маша похвастаться не могла, посему не стала отталкивать ухаживаний. Она работала в соседнем отделе и всегда находила Пашу симпатичным, хотя общались они довольно редко и только по делам. А тут он недвусмысленно тащит её в уборную.

Там всё и случилось. Плохо соображающий мачо насадил Машу, после чего благополучно проблевался. Два этих события не были связаны, хотя, возможно, Павлушу заштормило от усердных подрыгиваний.

Тот день стал началом эпопеи офисного секса и продуктивного запоя.

Каждый вечер после работы Паша брал себе бутылочку пива, чтобы расслабиться, а заканчивал тем, что еле добирался до квартиры.

Лена была вне себя от ярости, видя, что муж пропивает семейные деньги. По-началу её мало волновало само состояние супруга. Он тихо приходил, так же тихо ложился, никого не беспокоил. Вонял, правда, только. Но со временем ситуация стала меняться в худшую сторону. Паша постепенно начал отпускать свою мятежную душу и нуждался в тёплых беседах с кем-нибудь родным и понимающим.

– Т-ты мне скаж-жи... мяя... я – мужик или к-к-кто?..

– Ляг ты спать уже, алкаш поганый! – орала Лена, не волнуясь о спрятавшихся в своей комнате детях.

Потом она долго дулась, обижалась и могла совершенно оправданно не готовить ужин. Из-за этого возникали новые пьяные ссоры, а Паша продолжал куролесить.

– Как тебе не стыдно, тварь ты эдакая?! – разорялась Лена, развлекая соседей очередным скандалом. – Ненавижу тебя! Ненавижу! Все деньги пропил, ублюдок!

Было воскресенье. Паша отходил от пятничного загула. Он не пришёл ночевать. Поехал к Маше и остался у неё до самого утра. Лена истерила, что есть мочи. Паша впервые в жизни толкнул её, чтобы освободить себе дорогу к возжеленной кровати.

Теперь он сидел в спальне. Телевизор был выключен, жена не смотрела свой дурацкий сериал, хотя должна была быть крайне важная для разгадки тайны дяди Васи серия. С кухни доносились голоса. Паша прислушался. Нет, всё-таки смотрит. Включила на ноуте и смотрит. Тут хоть потоп будет, а Лена все-равно станет пялиться в свою «санта-барабару».

Вчера было гораздо хуже. Физически. Явное алкогольное отравление. Боялся копыта отбросить. А сегодня вроде получше, но стала просыпаться совесть.

«Что ж ты делаешь? Что ты творишь, идиот?!»

А Паша не знал. Он бы рад был остановить всю эту кутерьму: девушки, переставшие доставлять желаемое удовольствие, а только отнимавшие время и деньги; страдающие дети; мучающаяся жена и пустой кошелёк, – но не мог. Он уже чувствовал, как внутренние демоны шепчут, требуя очередную «пилотку».

«Ты конченный человек, Паша».

Он знал это и даже не думал выкарабкиваться.

Из открытого окна веяло свежим воздухом подступающей осени. Наверное, Ленка открыла, чтоб выветрить перегар.

Потребовалось лишь мгновение, острый укол отчаяния и понимания того, что выхода нет. Всего пара шагов. Полное отсутствие мыслей. Только неведомая сила – или слабость – толкнувшая на последний шаг.

Он громко орал и пытался ухватиться за невидимую соломинку. Несколько секунд. Страшная боль. Крики случайных прохожих и из ниоткуда материализовавшиеся зеваки.

В домофон позвонили. Лена причмокнула, недовольно оторвавшись от просмотра и пошла в коридор.

– Елена Серова? – раздался мужской голос.

– Да...

– Участковый.

Не успев сообразить, Лена уже нажала на кнопку открытия двери после этого грозного слова. Спустя пару мгновений она повесила трубку домофона и быстро метнулась в спальню, чтобы поднять мужа для разговора с непрошеным гостем – не самой же ей с ним, в конце концов, разговаривать. Да и вообще, вдруг это Пашка сам чего-то натворил...

Комната была пуста.

– Мама, кто там?

– Дядя милиционер! – по-старинке вякнула Лена, решив припугнуть детей, чтобы они сидели тихо.

«Подлец», – подумала она, решив, что муж куда-то смылся. Потом она догадалась посмотреть в туалете, но там его тоже не оказалось. Тогда она с поникшей головой направилась открывать дверь совершенно некстати наведывавшемуся участковому.

– Здравствуйте, – произнёс он шибко неприветливо. Его брови были собраны в кучу, вырисовывая глубокие морщины на переносице.

– Здравствуйте.

– Вы... знаете, где Ваш супруг?

– Так и знала! – воскликнула Лена и стиснула зубы от злости.

– Что знали?

– Что натворил что-то, – выпалила она, но тут немного задумалась и с подозрением посмотрела на полицейского.

– Он был дома?

– Да... а что случилось-то?!

Гнев стал перетекать в ещё менее приятное чувство тревоги и нарастающего беспокойства.

– Боюсь, что Вам придётся прийти на опознание.

– Что?..

– Час назад его обнаружили на асфальте под вашими окнами. Свидетели утверждают, что он выпрыгнул из окна. Соседи опознали в трупе Вашего мужа, но требуется...

– Бред... – только и сказала Лена, не разбирая слов участкового. Она поняла только то, что этот мужик в форме утверждает, будто бы Паша сиганул из окна. Её Паша. Кормилец и отец семейства. Паша, которого она воспринимала как данность и даже не обращала внимания на то, что с ним происходит.

– Елена...

– Мой Пашка? – перебила участкового негостеприимная хозяйка, так и не впустившая его за порог.

Тот промолчал.

Долгие несколько секунд, понадобившиеся для того, чтобы Лена домчалась до окна. Истошный вопль забитой белуги.

Лужи крови на забросанном ошмётками асфальте – само тело уже отправили в морг. Тело Паши. Её бестолкового Пашки, обрюхтившего её четыре раза и заставившего сделать аборт. Пашки, от которого она родила троих карапузов, с которыми он нянчился и которым менял подгузники. Того самого Пашки, который на руках вносил её вот в эту вот квартиру. С которым они когда-то были счастливы.

Это его кровью залит асфальт под окном. Это он выпрыгнул из него, пока она смотрела свой сериал. Он в страшной агонии лежал переломанный там внизу и скончался за минуту до приезда «скорой».

А в соседней комнате его трое детей, пока ещё не знающих, что у них больше нет папы. Не знающих, что их любимый и любящий отец вышел из окошка маленькой спальни и оставил их без своей заботы и опеки.

О нём теперь будут судачить соседи и шушукаться за спиной у остатков семейства.

Ещё немного и всем станет пофиг на эту трагическую историю. Лишь время от времени кто-то вспомнит и скажет, пытаясь поддержать разговор о всяких страшилках: «А вот у нас в соседнем доме один мужик...»

И только те, кого он в каком-то занюханом уголке своей души думал, что спасает, до скончания дней будут гадать, за что он так с ними поступил.

ВИКА

Вика часто гуляла в парке в полном одиночестве. Всем она говорила, что любит бывать одна, хотя на самом деле надеялась на встречу с прекрасным принцем. Она носила с собой томик стихов Ахматовой или романчик Шарлотты Бронте.

В школе её дразнили чокнутой, потому что она отличалась от остальных девчонок тем, что до самого выпускного оставалась девственницей. Просто умора!

В институт она поступать не стала, потому что не видела себя ни в одной из общеизвестных профессий. На жизнь зарабатывала шитьём – благо, мама успела всему научить до того, как сбежала со своим новым хахалем. Её можно было понять, ведь муженёк ей достался тот ещё: злобный, авторитарный и совершенно не терпящий неповиновения. Бывший военный, старше её на целых пятнадцать лет. А вот дочку свою прихватить забыла, и вся злоба преданного мужчины выплёскивалась на бедную девчушку.

Окочурился папашка спустя год после того, как Вика закончила школу, и предоставил её самой себе. И вот уже пять лет почти каждый день, если позволяла погода, она выходила в окутанный светом фонарей ближайший парк и бродила в поисках того, кто скрасит её одиночество.

Друзей у Вики не было кроме тех, что она смогла завести в интернете на всяческих форумах для рукодельниц и страдалец. Живьём она их никогда не видела, но успела полюбить и благодаря им создать для себя некое подобие иллюзии благополучия.

Но душа просила любви.

Бывало Вика встанет перед зеркалом в прихожей, собираясь на очередной променаде, и передумает идти. Красотой она никогда не отличалась: непонятные зубы разного размера, будто несмышлёный малыш напихал бесформенных пластилиновых кусочков «Мистеру Зубастике»; нос с горбинкой, почти как у той самой Ахматовой, чьи стихи она так любила, только больше; карие невыразительные глаза, жидкие волосёнки и торчащие уши. Но вот тело! Тело у неё было что надо: точёная фигурка с узкой талией, стройные ножки и покатые бёдра, грудь третьего размера, упругая, подтянутая, как два надутых мячика, в которые так и хотелось поиграть. Но пользоваться своими достоинствами Вика не умела, так же как и скрывать недостатки. Отец вбил ей в голову, что косметикой пользуются только гуляющие девки, и всякие мини, декольте и каблуки придуманы именно для них. Посему Вика одевалась скромно, искусством макияжа не владела, украшения подбирать не умела, кроме тех, что сварганила собственноручно. Она очень любила своё вязаное кольцо, так подходившее к её вязаному же свитеру коричневого цвета. Колье тоже было коричневым, но более тёмного оттенка. Знатоки бы сказали, что свитер её терракотовый, а кольцо оттенка бистр, но, несмотря на постоянную работу с цветом, Вика так и не смогла принять такое огромное разнообразие дурацких названий. Всякий раз когда очередные заказчицы просили платье цвета гуммигут или глициниевую юбку, она впадала в ступор и набирала поисковый запрос, чтобы понять, что нужно этим странным дамам.

Помимо названий цветов и дам, пользующихся ими, Вике ещё много чего казалось странным. Например, она не понимала, почему мужчины обязательно должны быть кобелями, а женщины сучками, которые хотят, чтобы первые на них вскакивали.

Не понимала она и зачем её отец после ухода матери, напиваясь вусмерть, лез со слезами и объятиями, которые переходили те, что дозволены между дочерью и отцом. Он никогда так ничего конкретного и не сделал, но в те непонятные минуты в руках отца Вика не знала, что делать, и съёживалась от растерянности, неприязни и страха.

В очередной раз Вика стояла перед зеркалом в прихожей. Она всматривалась в свои серенькие глазки, пытаясь разглядеть за ними глубокую, или широкую, ну или уже хоть какую-

нибудь душу, но видела только свои никчёмные глаза, которые увлажнились от подобной досады.

«Никуда не пойду, – отчаянно подумала Вика. – Кто захочет знакомиться с такой, как я?»

С такой, как она, за все пять лет неспешных прогулок желание завести знакомство извляли только какие-то алкаши или непотребные мужчинки. А принца как не было, так и нет.

Частенько Вика заглядывалась на случайных прохожих и уже много раз виданных местных молодых людей, но всем им она была неинтересна. Ведь в характеристики её «принца» входила внешняя привлекательность, на страшеньких она не засматривалась, так же как и эти красавчики, не желавшие водиться с «крокодилом».

В дверь позвонили. Вика утёрла слёзы и посмотрела в глазок. На пороге стояла соседка, время от времени наведывавшаяся то за солью, то за ещё какой дребеденью. Хозяйка неохотно открыла, готовясь к новому попрошайничеству.

– Викусь, привет.

– Здравствуйте, – поздоровалась Вика. Несмотря на не такую уж и большую разницу в возрасте, она никак не могла заставить себя говорить с соседкой на «ты». Когда им с отцом дали эту квартиру взамен старой в доме под снос, Вике было четырнадцать, а этой даме аж двадцать два года. Она только вышла замуж за крайне симпатичного парня, и они вместе заселились в своё новобрачное жилище. Тогда она была очень красивой, и Вика смотрела на неё с завистью, ненавистью и восхищением. Теперь она превратилась в жуткую квашню после рождения троих детей, а муж всё ещё казался привлекательным, хотя и немного потрёпанным.

Вику это в какой-то мере даже радовало. Нет, не потрёпанность соседа, а увеличение в объёмах его жены. Так она вызывала гораздо меньше зависти и восхищения. Но вот как она продолжала удерживать подле себя такого видного мужчину, для Вики оставалось загадкой. «Только из-за детей, небось».

– Нет пары яичек взаймы, а?

Хотя соседка вечно просила взаймы, долги никогда не возвращала. Вика вздохнула и, вымученно улыбнувшись, сказала:

– Да, конечно, сейчас. Заходите.

– Если есть, то штучки три-четыре, – крикнула та вдогонку удалившейся на кухню Вике.

Вика принесла полупустую пачку с четырьмя яйцами и протянула нахлебнице – или наяичнице.

– Спасибо, Викусь, так выручила! А то детей кормить совсем нечем. Ну, я побегу, сейчас реклама закончиться.

– Не за что.

Вика засветилась своей кривоzubой улыбкой, отчасти чувствуя радость оттого, что она хоть кому-то может принести пользу. Но всё же раздражения и негодования от подобной наглости и бестактности было куда больше, так что улыбка спала, как только за непрошеной гостьей захлопнулась дверь.

Вместо нежелания казать миру свою страшноту появилось стойкое желание оказаться подальше от всеобъемлющей нахальности некоторых представителей человеческой расы. Накинув куцее пальтишко, Вика вышла в сумрак февральского вечера.

На улице было зябко и многолюдно. Труженики спешили в свои тёплые норки после тяжелого рабочего дня. Многих из них ждали, кого-то с ужасом, а кого-то с радостью. Кого-то любили, кого-то терпели или ненавидели. Среди формально одиноких были кошатники и собачники, чьи питомцы приносили своим хозяевам радость и зачастую были гораздо большими друзьями, чем двуногие собраты.

А Вику не ждал никто. Она терпеть не могла животинку и жутко раздражалась, когда кто-то из её виртуальных друзей ставил на аватарку милую киску или того хуже – глазастую мартышку. В арсенале её родственников была сбежавшая мамашка, откинувшийся батя, вет-

хая бабка в Оренбургской области, которую она видела от силы два раза, и дальние родственники, время от времени приезжавшие по праздникам в её безрадостном детстве. Ни с кем из оставшихся в живых она знаться не хотела.

А так хотелось любви.

И хотелось не бежать в заснеженный парк на поиски суженного, а сидеть с ним дома в обнимку и быть любимой. Ведь это так просто, нормальное человеческое желание чувствовать себя нужным кому-то, быть для него целым миром и окунаться в его мир, осваивая новые горизонты многообразия человеческой души.

Случались с Викой и влюблённости. Обычно это были очень красивые и не очень хорошие мальчики, парни и мужчины. Но в каждом за внешней красотой она стремилась разглядеть и внутреннюю, извечно натываясь на серую невыразительность эгоистичных душонок. Несмотря на очевидность их полнейшего безразличия или даже презрения к ней, она наделяла их качествами рыцарей и надеялась на взаимность.

Каждый в калейдоскопе так и не ставшими её мужчин был на бережном счету, и Вика часто мысленно возвращалась в те времена, когда они наполняли её сердце. Бывало, влюблённости вспыхивали вновь, хотя эти люди давно не появлялись на горизонте. Тех, что Вика имела возможность отыскать в запутанной паутине мировой сети, она непременно находила и делала их странички соцсетей вынужденными заложниками своего браузера. Она могла часами разглядывать фотографии, просматривать записи и не решаться поставить один-единственный лайк.

Свежий снежок припорошил расчищенную утром дорожку между зеленых насаждений, вдоль которой стояли резные лавочки с редкими отважными, решившимися сидеть на морозе. В руках Вики, по обыкновению, находилась книга. На этот раз она взяла «Грозу» Островского, одно из немногих произведений школьной программы, зацепивших её юные ум и душу.

Порой она даже читала прихваченные в дорогу сокровища, но зачастую просто носила с собой как маячок тому ненаглядному, который сможет разделить её интересы и увидит в пустоте блёклых глаз то, что она найти так и не смогла.

Смотря на себя из глубин замутнённого сознания, Вика видела милую никем не понятую девушку. Она не знала, почему мир и люди в нём так к ней жестоки. Она вечно мусолила эти мысли в своей юной головке и удивлялась тому, как ничто не меняется и продолжает тухнуть, как и в те годы издёвок одноклассников и отцовского менторства.

Её вечно шпыняли совершенно незнакомые люди, которым она ровным счётом ничего плохого не сделала. То кассир обсчитает и возмутится, если она вопреки своему обычаю укажет на его оплошность. То случайный прохожий на совершенно свободной дороге заденет так, что потом синяк ещё не делю не сходит. То бабушка-одуванчик обматерит на чём свет стоит только потому, что Вика решилась предложить ей свою помощь в ношении сумок. Все её не любили, и Вика с этим соглашалась, потому что видела – любить её не за что. Но всё же истово противилась такому положению вещей и желала быть любимой и нужной.

На одной из лавок лежал проссатый бомж, и Вика с отвращением отвернулась. Потом несколько раз обернулась, чтобы про себя возмутиться его отвратительности и опущенности. Дальше её взору предстала милая парочка, лобызавшаяся под заснеженной сосной. Вика с завистью и негодованием смотрела на их обнимашки, мечтая оказаться на месте этой счастливицы и укоряя незнакомцев за столь неприличное поведение в общественном месте.

Навстречу и в обгон с тыла шныряли родители с детьми и влюблённые, державшиеся за руки. До чего же они раздражали! Чтобы снизить давление социума, в котором все вечно кружились вокруг межполовых взаимоотношений, Вика начала рассуждать на тему того, что в современном обществе вовсе необязательно быть чьей-то женой. И вообще, быть чьей-то. Многие сильные женщины смогли достичь заоблачных высот, избежав участи быть замужем.

Но она-то была не сильная. Она-то ничего не добилась. И не добьётся. Поэтому ей просто необходимо было быть чьей-то женой. Просто необходимо быть чьей-то.

И так хотелось любви...

И вдруг она увидела идущего навстречу симпатичного парня. Он смотрел в свой телефон, экран которого освещал его задумчивое лицо, припорошенное двухдневной щетиной. Он плёлся медленно, никого вокруг не замечал.

В душе Вики сразу что-то встрепенулось, а в надлежащих органах защемило от вожделения и тёплого чувства то ли любви с первого взгляда, то ли страсти, то ли чего-то ещё непонятного, но чрезвычайно приятного и волнующего.

Мимо красавчика пронёсся папашка с хохочущим сыном на «бублике», и тот оторвался от своего телефона, чтобы проводить взглядом отвлекающую его от важных дел команду. Раз уж пришлось посмотреть дальше своего носа, он ещё и пробежался взглядом по округе, скользнув по Вике, отчего она чуть не задохнулась в волнительной судороге, и вернулся к своему мобильнику, в котором было гораздо интереснее, чем в этом серебрищемся снежинками парке.

Он прошёл мимо. А Вика продолжала приходить в себя после того незабываемого мгновения, когда его глаза удостоили её своим вниманием. Пусть это было лишь на долю секунды, пусть он даже не заметил, что она попала в его поле зрения, но этого было вполне достаточно, чтобы пообещать ему свои непрошенные руку и сердце.

Вика замедлила шаг, не решаясь идти дальше, ведь это значило бы идти дальше от него. Развернуться прямо на этом вот самом месте она тоже не могла – что подумают люди?! Время шло, нужно было что-то решать. Тогда Вика остановилась и сделала вид, будто вспомнила что-то важное, быстро полезла в сумочку и, не найдя воображаемого искомого объекта, развернулась на сто восемьдесят градусов.

Это представление никого не заинтересовало. Всем было плевать, забывала она что-то, или её просто припёрло посрать. Своей суетой она только помешала парочке прохожих и чуть не потеряла незнакомца из виду.

Нашулав его взглядом, Вика стала следовать за ним, будто бы просто прохаживаясь в том же направлении, что и он. Часто люди чувствуют, когда их кто-то преследует, в народе ещё говорят «жопой чувствуют». Видимо, у этого паренька «локатор» был что надо, потому что он стал вести себя как-то нервно, время от времени оборачивался, и тогда Вика, вогнанная в краску, была вынуждена замедлять шаг и отводить взгляд в сторону.

Так они дошли до самого выхода из парка, и тут произошло неожиданное.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – ответила ему стройная девушка в белом полушубке.

Он обнял её и поцеловал быстро, но нежно, как целуют тех, кого тебе действительно хочется целовать, а не тех, кого просто надо.

Вика стушевалась и замерла на месте. Её будто предал кто-то очень близкий, обещавший хранить верность и быть с ней и в горе, и в радости.

Парочка быстренько обсудила свои планы и ушла в направлении круглосуточного кафе-бара.

Сдерживать слёзы Вика не умела, а реветь была мастер. Чуть что – сразу в слёзы. Оставаться на улице не было никакого смысла, поэтому она пошла домой, утирать слюни и сопли.

«А чего ты хотела? – насмехался внутренний голос. – Думала, что он обратит внимание на такую кикимору? Выдумала! Дура. Ду-у-ура!»

Остаток вечера Вика провела в одиночестве. Сначала она смотрела в окно и плакала, надеясь, что хоть одна живая душа поднимет свои глазёнки и увидит её бесконечное горе. Семнадцатый этаж был очередной помехой судьбы-злодейки, так что ни один смертный не узрел её вселенской печали.

Когда наплыв гулящих спал, Вика перебралась в свою холодную кровать, которую некому было для неё согреть, и, закутавшись в одеяло, стала смотреть «магазин на диване». Там было так много необходимой ерунды, отсутствие которой как пить дать и делало её такой несчастной. Ведущие-впариватели утверждали, что двойная сковородка или корейская основа под макияж с которыми жизнь заиграет новыми красками, просто необходимы каждому нормальному человеку. И какие скидки! Какие скидки, только посмотрите!

Надо брать. Тут и думать нечего. И Вика думать не стала. Как спасительный телефон доверия, она набрала номер диванного магазина и заказала сразу и сковороду, и основу, хотя косметикой отродясь не пользовалась.

За сие добро она должна была отвалить столько, сколько получала за неделю работы, когда заказы на пошив, ремонт или рукодельные штучки шли в среднем объёме. Ну и что? Что из этого-то?! Зато теперь у неё будет не простая, а двойная сковородка и великолепная основа под макияж, которого она никогда не наносила.

После бездумного заказа на душе стало легче, но вскоре появились червячки сомнения, твердившие, что она в очередной раз сглупила. Рекламу сковородки стали крутить повторно, и, отдавшись болтливым ведущим, Вика смогла убедиться, что не прогадала.

Когда она получила свой заказ и неохотно за него расплатилась, попробовала и то, и другое. Всё оказалось не столь удобным и волшебным, как на экране, так что это первое использование приобретений стало и последним.

Неспешный ритм жизни размазывал внимание Вики по её страданиям и вожаемым объектам мечтаний, которые никак не хотели идти в руки. Бывшие любимые, некоторые из которых даже не знали о её существовании, пока остальные не предавали ему никакого значения, заводили семьи, катались по миру, становились людьми и переезжали в центр города или другие страны. А она прозябала в своём сраном районе и шила более успешным дамам обновки. На себя время редко оставалось, поэтому Вика который год ходила в одном и том же. «Вещь носят, пока она не сносится», – наказывал отец. Вот Вика и носила даже после того, как он сам давно «сносился».

Наверное, она жалела, что отец не заставил её поступать в ВУЗ. Он придерживался мнения, что женщина должна быть женщиной, а не пахать на заводе или в офисе. Возможно, сейчас всё было бы гораздо лучше, если бы у Вики была профессия, работа в дурацком офисе или на том же самом заводе. Но поступать сейчас она даже и не думала. Ей и в голову такая мысль не приходила. Поступают после окончания школы – всё.

Теперь её жизнь могла развиваться только по двум сценариям: встреча с прекрасным принцем, которого она совершенно недостойна, и прозябание в постоянном недостатке денег, любви и радости.

Восстановившись после потрясения с тем милым пареньком, у которого уже была девушка, Вика снова стала вытаскивать себя в парк. Она была крайне забитым существом и боялась быть в общественных местах. Но также она была уверена, что именно там найдёт того, кто наконец-то сделает её женщиной. Посему, несмотря на смущение и желание сидеть дома в полном одиночестве, она шаталась вечерами по парку в поисках суженного.

Днём она шила или вязала, оправдывая этим невозможность идти на прогулку, и выбиралась только с наступлением сумрака. В тёплое время года, когда темнело гораздо позже, Вика засиживалась дома до тех пор, пока солнышко не решало, что ему пора сваливать с небосвода. «Темнота – друг молодёжи. В темноте не видно рожи», – любили говорить в школьные годы, и Вика эта хорошо усвоила, так что пряталась от дневного света, как закоренелый вампир.

Шли дни, недели, снег растаял, и распустилась листва. Вика допоздна торчала в своей убогой однушке и констролила тряпье, либо зависала за тормозным компом в поисках единомышленников не только по рукоделию, но, по большей части, по трагической судьбе и нытью.

Бывало, она засиживалась на форумах до утра и забывала о поисках благоверного. Иногда забывала и о работе, потому что откровенно её не любила. У неё неплохо получалось, но мысли о том, что её творения будут носить те, к кому она не испытывает тёплых чувств, превращали труды в каторгу.

– Вичка, ну я негодую! – протянула новая заказчица, пришедшая по совету постоянной клиентки. Её чёрные отутюженные волосы и короткая прямая чёлка наводили ужас, но не больше того, что зарождался при виде её выщипанных и заново нарисованных бровей да надутых, как резиновая баба, губ. – Я же просила, чтобы сегодня было готово.

– Простите, но я же Вам сразу сказала, что к сегодняшнему дню не успею, – извиняющимся тоном ответила Вика, в свою очередь тайно негодуя от наглости этой бабёнки, заявившейся к ней домой без звонка в девять вечера. И «Вичка»! Да как ей в голову такое пришло?! «Ещё бы СПИДочкой назвала!»

– Угу, – причмокнула дамочка. – Понятно.

– Я постараюсь закончить к завтрашнему вечеру, часам к пяти.

У Вики была ещё туча заказов, которые нужно было сделать до платья этой нахальной особы.

– Ты уж постарайся.

С этими словами она ушла, даже не попрощавшись.

– Вот сука! – вырвалось у Вики, когда горизонт был свободен.

Как же бы ей хотелось быть одной из тех, кто умеет говорить всё, что думает, в лицо. Но она не могла. Назвать мудака мудаком?! Да разве так можно?! Лучше подлизать ему сфинктер, чтобы он немножечко расслабился.

Уснуть после этого «Вичка» не смогла. Стоило заказчице уйти, как она бросилась дошивать её роскошное платье. К трём утра, будучи без сил, швея-мотористка еле доползла до кровати, полежала минут тридцать и, так и не уснув, снова встала, чтобы довести начатое до конца.

К семи утра всё было готово, и с чистой совестью Вика отрубилась до обеда.

Встала она разбитая и, позавтракав остатками вчерашнего ужина, принялась за другие заказы. Благо, те не горели, так что она могла особо не утруждаться.

Часам к четырём завершал домофон, Вика тут же сжалась и метнулась открывать. Она будто знала, что эта требовательная заказчица припрётся раньше оговоренного срока.

– Слушай, Викусь, мне срочно надо уезжать, так что в пять я никак не могла, а платье нужно уже сегодня, так что давай быстренько я заберу и побегу.

– Да, конечно, – заторопилась Вика, мысленно поражаясь эдакой наглости. С чего она взяла, что её платье готово? Вика обещала постараться, но никак не гарантировала управиться в срок. А сейчас и срок-то ещё не настал.

– Оно же готово? – вдруг изменилась в голосе настырная тётка, выпитив свои и без того выпяченные губы.

– Да, несу.

Тут дамочка принялась придирчиво рассматривать швы и прочую мелочёвку.

– Слушай, а чего петли не кружевные?

– Но... мы же договаривались, как на картинке, там они атласные.

– Да ну что ты говоришь? Кружевные!

– Я покажу... – промямлила Вика, расторопно бросившись к вороху бумаг на столе.

– Да ну мне некогда!

Мадам закатила глаза и тут же брезгливо посмотрела на петельки.

– Вот...

Она глянула на протянутый Викой журнал и, чавкнув, выдавила недовольное «ага».

– На. Сдачу оставь себе.

Расплатившись, она тут же убралась прочь, снова не попрощавшись.

После ухода этой неприятной особы Вика была такой злой, что крепко сжатые зубы скрежетали, а на лбу проступила жирная венка.

Она хотела продолжить работу, но всё валилось из рук. В итоге она укололась иголкой и в истеричном припадке раскидала всё в сторону, потом без сил рухнула на пол и разревелась.

В ней клокотали обида, досада и злость. Ну почему мир к ней так несправедлив? Почему люди такие гадкие и гнилые? Каждый готов вытереть об неё ноги, унижить, поставить на место возле параша.

Разве можно так жить?

Разве она хочет так жить?

Она не хотела. Но продолжала.

Когда наступило лето, и дни стали долгими и мучительными, Вика проводила много времени у окна. Она наблюдала за тем, как играют дети, раздражающие своими криками; как, шатаясь из стороны в сторону, туда-сюда болтаются товарищи алкоголики; как они собираются группками и то смеются, то огрызаются друг на друга или прохожих. Как-то она сэрзрцала сцену с одной из алкашек, которая, сидя со своими товарищами, стала приставать к молодому человеку на соседней лавке. Тот в итоге не выдержал и ретировался. Но что для Вики было примечательным, так это та самоуверенность, с которой скурвившаяся алкоголичка пыталась его обворожить.

«Вот бы и мне так...» – с горечью думала Вика.

Тогда она задумывалась о том, чтобы начать пить, но тут же цепенела от страха, вспоминая случаи из детства.

Это было вскоре после того, как ушла мама. Отец часто выпивал и иногда оставлял своё пойло на видном месте. Однажды Вика убиралась по дому и взяла почти что пустую бутылку пива с кухонного стола, торчавшую там с прошлого вечера. Остатки она вылила в раковину. Ей даже в голову не пришло попробовать. Но папашка, увидев дочь с пустой бутылкой в руках, решил, что она всё же это сделала. Он отхлестал её армейским ремнём с такой силой, что она ещё долго не могла спокойно сидеть.

Так что каждый раз, думая об алкоголе, Вика чувствовала те страшные удары и дикуую боль многолетней давности.

В общем, положение было безвыходным: ни спиться, ни потрахаться.

Вика давно мечтала о дефлорации, но всё как-то не складывалось. А так хотелось, чтобы уже в конце концов сложилось, и принц вложил свой кинжал в её ножны.

Порой она пыталась обмануть себя тем, что это ей вовсе не нужно. На какое-то время хитроумный трюк срабатывал, но потом подавленное желание вырывалось с такой силой, что Вика готова была кидаться на первого встречного. В таком состоянии она и тем нелепым пропитым персонажам не смогла бы отказать, подкати они к ней именно в этот момент, а не тогда, когда она не была как сучка во время течки.

Но редкие неудачники обращали на неё своё никчёмное внимание в крайне неперспективные для них моменты, чему Вика была очень рада, хотя порой её посещали крамольные мысли о том, что судьбы могла бы подкинуть и другой расклад.

В один из июльских вечеров, когда Вика решила остаться дома, чтобы всласть попечалиться, соседи сверху устроили вечеринку. Музыка играла так громко, что потревоженная шумом мученица не слышала собственных страданий. Весёлые голоса, топот танцующих ног и опять эта громкая бодрящая музыка – нет, она не могла этого вынести.

Делать было нечего. Вика, конечно, немножечко постучала по батарее в надежде, что соседи не поймут, что это она, но на том и успокоилась, боясь переходить к более активным действиям. Так что в итоге неохотно вывела себя на улицу.

Дневная жара давно спала, и лёгкий ветерок приятно щекотал кожу, пробегаясь по предплечьям и щиколоткам. На улице было немногочисленно. Вика любила летние будние вечера – те, кто работает, уже легли спать, чтобы пораньше выволочь себя на оплачиваемую каторгу; те же, кто не работает, или слились в отпуска, или, в большинстве своём, разъехались по дачам, морям и заграницам, о которых она и мечтать не смела. Ей бы принца...

Одинокие прохожие и редкие парочки, обжимавшиеся на лавках, не вторгались в пространство печальной Вики. Они и не думали смотреть на неё с укоризной или отвращением, как она того вечно боялась. Они её просто не замечали, отгородившись от неё и ото всех прочих стенами своих уютных и не очень мирков.

Она шла, поджав плечи и ссутулившись, как старая ива. Плакучая и согбенная. Позади оставались метры с трудом пройденного пути, усеянного не оправдавшимися надеждами и печалью. Вокруг было пустынно и уныло. Редкие голоса доносились откуда-то издалека, и казалось, что Вика совершенно одна и крайне одинока. Что нет никого в этом мире, способного разрушить злые чары забвения и бесконечного уныния.

– Почему такая красавица и одна? – «оригинально» начал взявшийся совершенно ниоткуда паренёк.

На вид ему было лет тридцать, хотя что-то подсказывало, что он не на много старше Вики, просто плохо сохранился от частого злоупотребления.

Она испуганно пробежалась по его лицу и молча прибавила шаг.

– Эй! Я с тобой говорю!

Снова молчание.

– Слышь ты, курва! Тя чё, манерам не учили?!

Парень резко схватил Вика за руку. Она могла бы вырваться, хотя бы попытаться, как и полагается в подобных ситуациях, но просто застыла на месте. Она настолько привыкла, что все ей помыкают и ни во что не ставят, что даже резервные системы и запасы энергии спрятались в норку, оставив свою хозяйку без защиты.

А тот уже был зол не на шутку. Под глазом у него сверкал ядрёный свеженький фингал, а губы сжались в узкую страшную полоску.

– Чё встала-то? Ну! Говори!

Вика молчала.

– Говори!

Парень разозлился ещё больше и дернул Вика за руку с такой силой, что ещё немного и вырвал бы её с мясом. Она взвизгнула и только теперь очнулась. Тут же попробовала вырваться, но было поздно.

– И куда ты собралась?

Вика снова дёрнулась.

– Стой, сука! – крикнул парень и схватил её за лицо за неповиновение.

Она снова испугалась до ужаса и зажмурилась.

Дальше всё произошло так быстро, что она просто не успела сообразить, как оказалась на траве в нескольких метрах от дороги. Парень с фингалом держал её за руки и насиловал, приговаривая будто бы в оправдание:

– Я же просто хотел познакомиться. Что, так сложно было ответить? Так сложно, да?!

Ей стало так противно и страшно, что она не выдержала и отключилась.

Когда Вика пришла в себя, рядом никого уже не было. Она быстро выбралась из парка и вернулась домой, в ужасе оглядываясь по сторонам и боясь, что её снова наглым образом отымеют.

Ещё больше, чем страх, было чувство стыда. Будто и правда она сама виновата в том, что тот мерзкий тип её изнасиловал. Разве она не могла спокойно ему ответить? Он же хотел познакомиться. Где твои манеры, Вика? Ну выпил парень лишка, ну подрался, ну рожей не

вышел – ты-то сама тоже далеко не красавица. Так что нечего нос воротить от людей, а иначе тебя запросто могут изнасиловать.

Сама виновата!

Сама.

Она заперлась и отключила телефон. Залезла в ванную и просидела там до самого утра, пытаясь снова стать чистой и невинной, неиспоганенной этим случайным парнем, решившим, что имеет право сломать чью-то давно поломанную жизнь.

Сама виновата.

Вода. Почему-то люди считают, что она способна смыть всю грязь: и видимую, и незримую. Ту, что скрывается внутри, которую хочется выкорчевать, вырвать с корнем, которая разъедает и загрязняет всю жизнь, всё сущее, всё, к чему прикасается.

Больше Вика гулять не ходила. Три недели после изнасилования она безвылазно сидела дома. Продукты почти закончились, и она практически голодала, но никак не могла заставить себя выбраться наружу. Туда, где люди. Туда, где бродит этот нелюдь.

Последние дни она питалась «пустыми» макаронами и овсянкой на воде. Благо с детства привыкла делать большие запасы продуктов, так что не пришлось на третий день страдать от истощения.

Бывало, отец уходил в запой, и тогда ещё школьница Вика была вынуждена справляться своими силами и готовить из того, что было дома, несколько дней. Упиваясь вусмерть, папаша забывал о том, что нужны деньги на продукты, поэтому, когда приходил в себя и выдавал наличные, Вика закупалась впрок. С тех пор это вошло в привычку, в уже ненужную необходимость, которая внезапно так сильно пригодились.

Но время шло, боль не утихала, а страх всё сильнее завладевал Викой. Она вырвала домофон с корнем из стены и обрезала провода, чтобы никто не врывался в её отчаяние дребезжанием спонтанных визитов. Телефон мёртвым грузом лежал в нижнем ящике стола под грудой ненужной макулатуры. Дверной звонок она тоже отключила, не желая встречаться с не обслуженными заказчицами, прибежавшими забрать свои тряпки или вернуть задаток. Когда кто-то стучался в дверь: жирная соседка с постоянным отсутствием соли или яиц, включая мужниных; заказчицы, сумевшие прорваться сквозь оборону бдительной консьержки; или же очередные сектанты, предлагающие услуги по открытию глаз на тайны мироздания, – Вика забивалась в угол, замуривалась, что есть силы, пытаясь притвориться, что её нет, в первую очередь для самой себя, и ждала, пока звуки стихнут. Потом ещё долго боялась пошевелиться, всякий раз опасаясь, что это её злобный насильник, вычислил адрес и стремится продолжить своё изуверство.

Голод всё же вынудил Вику выбраться из заточения. Каждый шаг давался с трудом, а поездка в лифте оказалась вариацией на тему пыток в Гуантанамо. Она быстро похватила с полка провизию, нервно расплатилась и, забыв о сдаче, поспешила домой. Нет, не поспешила – помчалась. Ей казалось, что за ней гонятся. И ничто, никакие уговоры не могли избавить от этого чувства, от ощущения, что *он* дышит в затылок.

«Глупая, глупая Вика. Не нужна ты ему вовсе. И тогда не нужна была, просто подвернулась под руку. Ты никогда не станешь для кого-то столь важной, чтобы тебя стали преследовать».

«Он снова сделает это, как бы ты ни бежала».

«Никому ты не нужна. Дура. Никому».

«Тебе не спастись».

Снова безмолвное сидение взаперти. Снова страхи, бессонные ночи и ужас, не позволявший ни одной крохотной мышце расслабить паралитическое напряжение, сковывавшее всё тело мучительными тисками.

На дешёвые крупы, хлеб и макароны денег уходило немного, квартплату Вика не платила второй месяц, так что вполне могла не работать. Точнее, работать она не могла, поэтому перебивалась тем, чем способна была затариться в редкие вынужденные вылазки, на которые отваживалась раз за пару недель.

Так шло время. Будущего Вика не видела. Она боялась смотреть даже на настоящее, трепетала от прошлого и шла сквозь вязкие сутки с плотными шорами на глазах.

Потихоньку всё же капельки жизни сочились из её израненной души, и духота спёртого воздуха квартиры толкала на отважные, хоть и незаметные простым людям поступки: Вика решалась открыть окно, чтобы проветрить жилище и вдохнуть свежесть солнечного воздуха. Порой она в него даже смотрела и иногда не отводила взгляд от случайных прохожих, а начинала, как прежде, разглядывать их и притворяться живой, увлечённая их жизнями.

Но часто она видела *его*. То он скрывался в теле усатого дяденьки в шляпе не по погоде. То под личиной замухрыжнего бомжа или пропитого соседа. Всё это был он – они, кто мог сделать ей больно.

Слишком больно.

Слишком больно, чтобы жить.

Однажды в конце августа Вика в очередной раз отважилась открыть окно, из которого тут же повеяло приближением осенней прохлады. Она боязливо вдохнула бодрящий воздух, будто страхась, что и он может её обидеть.

И тут она услышала крик. Истошный крик того, кому было ещё страшнее, чем ей. Вместо того, чтобы спрятаться, она подалась вперёд и увидела человека, который мгновение спустя оказался на асфальте. Весь в крови, с переломами и разлетевшимися во все стороны ошмётками.

Вика замерла. Будто примёрзла к подоконнику. Ужасающий вид приковывал к себе и отталкивал, как выковыранный прыщ на лице собеседника или пот случайного встречного. Ты знаешь, что смотреть неприлично, так же как и нюхать чей-то пот. К тому же это должно быть противно. Должно. Но ты смотришь. И нюхаешь. И сам себе не можешь признаться, что этот расковыранный прыщ интересен тебе больше слов собеседника, а запах пота до омерзения приятен.

Она продолжала смотреть и тогда, когда приехала «скорая», чтобы соскрести человека с асфальта и отправить в морг. Она сразу поняла, кто он. Муж соседки, любительницы «одалживать» соль.

Он был красивым. Будучи ещё девчонкой, Вика даже чувствовала к нему некую приязнь и тайно мечтала о том, что он обратит на неё внимание.

Теперь спустя годы после их знакомства он умер.

Умер у неё на глазах.

Страшной, жестокой смертью, к которой сам себя и приговорил.

Она ещё долго смотрела вниз, пытаясь составить детали пазла в единую картинку, что уже никогда не удастся сделать с телом почившего соседа. Вике казалось жизненно необходимым, а точнее, делом смертельной важности, найти недостающее звено между существованием и небытием этого человека.

Как учили с молодых ногтей, она попыталась поставить себя на его место, чтобы нащупать незаполненный пробел в истории этого самоубийства.

Вика знала, что произошедшее – не несчастный случай или дело рук злоумышленника. Она не гадала, для неё всё было очевидным. Не хватало только мгновения между его бедой и шагом из окна. Ей важна была не причина, почему он это сделал, а доля секунды между причиной и следствием.

Она никак не могла нащупать неуловимое нечто, скрывавшее вожаделенную разгадку чего-то важного.

Вика думала. И это помогало ей отвлечься от воспоминаний о насильнике. За мыслями терялся страх, и этого было достаточно для того, чтобы немного глубже дышать.

Шли дни, Вика продолжала свои размышления, всё чаще заседая у открытого окна, из которого открывался вид на место выбранной смерти.

Её ничто не занимало, кроме странных раздумий. Клиентки позабыли о её существовании кроме тех, что жалели свои кровно заработанные. Они время от времени пытались набрать номер портнихи, но неизменно слышали сообщение о том, что абонент недоступен. Некоторые изредка приходили попытать счастья у подъезда и торчали минуту-другую под заунывные завывания домофона, а затем уходили ни с чем.

Было тёплое сентябрьское утро. Мать Вики когда-то любила называть это время на западный манер индийским летом, пока бабки под окнами величали его в свою честь. Она снова распахнула окно, впуская в квартиру присутствие смерти. Оно её успокаивало и убаюкивало некогда душивший страх.

На плите в старой турке варился ароматный кофе как дань кем-то придуманной традиции. К бодрящей жиже Вика была равнодушна, но исправно пила её почти каждое утро в течение долгих лет.

Секунды медленно тянули за собой минуты, старая кровать с продавленным матрасом стояла не застеленной и убранной пропахшим бельём, зачитанные до дыр книги ютились на пыльных полках.

Вика вновь и вновь слышала вопль падающего соседа.

И крики случайных прохожих.

Собравшихся зевак.

Всё было, как обычно. Но что-то изменилось. Мгновение. То самое мгновение открыло свою безмолвную тайну. Без слов и лишних объяснений, как озарение Менделеева его пресловутой таблицей, но не во сне, а наяву.

Вика спокойно вышла из дома, прихватив с собой пару сотен на дорогу. Ей не нужно было никого пугать или делать шоу, не нужны были свидетели, случайные или запланированные заранее. У неё не было необходимости в том, чтобы поддаваться сиюминутному порыву, не думая или боясь передумать.

Автобус и электричка, два часа езды, и Вика оказалась в Прошино, старой деревеньке, куда временами ездила на покосившуюся дачу. Там было устье бурной реки, бурлящим потоком прорывающейся между груды камней.

Её мгновение не было отчаянием. Оно было прозрением. Будто наконец-то получилось вспомнить вертевшееся на кончике языка слово. И этим словом была «свобода».

Вике не требовалось стоять в раздумьях над пенной водой. На её шее, как поводок смерти, висела верёвка, обмотанная вокруг тяжёлого валуна. Валун лежал в худосочных ручках, еле справляющихся с ношей.

Она глубоко вдохнула и шагнула в бегущую реку, свободную от городского мусора, пивных бутылок, сточных вод и ржавых якорей. Вода заворчала и закрутила её в стремительном потоке в никуда.

Валун потянул ко дну, как глупую марионетку. Вика забрыкалась и попыталась выплыть. Страшные мгновения и боль в груди. Разрывающая, невыносимая. Нужно было срочно вдохнуть, но воздуха не было. Страх и боль. Боль и страх.

Мысли исчезли, лишь отчаянные попытки спастись.

Но камень тянул вниз, и мир удалялся скрываясь за изрезанной волнами поверхностью беспокойной реки.

Сил сопротивляться не осталось. Верёвка на шее не поддавалась. Дотянуться до камня Вика не могла. Последний вдох отдался жгучей болью в лёгких. Будто кислотой залились бронхи. Агония.

Жуткая, невыносимо болезненная смерть, оказавшаяся куда страшнее жизни.

Изнанное тело нашли неделю спустя. Оно раздулось и было изуродовано до неузнаваемости. Никому бы и в голову не пришло думать, что Вика спит, трогать пульс или вызывать неотложку.

Блиzkих родственников у неё не было, только чужие люди, волею судьбы связанные с нею кровными узами. Жил человек и нету. Будто и не было его вовсе. Будто он не нуждался в принятии и понимании, как любой, в кого ни плюнь. Будто не пытался ухватиться за руку или соломинку, утопая в омуте убийственной жизни.

Квартира отошла двоюродной сестре отца, которая первым делом решила сделать ремонт и почистить ауру неблагополучного дома.

Дома самоубийц.

И мало кто понимал, что в этом не было никакой мистики.

САША

– Как же скучно, – пробормотал жирный Саша и почесал давно немытую промежность.

С тех пор, как его родители скончались, он жил, словно сыр в масле. У тех было приличное состояние, которое перекочевало прямиком к их ленивому сыночку, ненавидевшему учёбу и прочую «фигню». Поняв, что рвать задницу больше не надо, Санчес, как его звали редкие друзья по «Контре», забил на институт и стал продуктивно разлагаться в домашних условиях.

Из восьмидесяти килограмм, часть из которых являлась самым настоящим салом, Саша быстро перекочевал в разряд тяжеловесов, набрав ещё двадцатку. Почему бы и нет? Бабла хоть опой жуй, можно заказывать еду на дом и не париться насчёт того, что уже как три месяца не выходил из дома и почти не шевелился.

Пожрать Саша любил. При жизни мама старалась хотя бы иногда впихивать в любимого сынулю полезные паровые котлетки из постной куриной грудки и овощные салатки. На что сынуля волком выл и требовал жареных свиных отбивных и олевьешечку. Ко всему этому непременно шла запивочка в виде газировки или сладких соков, в которых сахара было больше, чем фруктов. Теперь, когда предки отдали концы, Саша мог позволить себе и пиво, которое раньше в доме было под строжайшим запретом.

Каждый день был похож на предыдущий, и Саша уже знал, что завтрашний будет ничем не лучше. Поначалу, утерев сопли после смерти отца с матерью, он возрадовался невероятному везению, свалившемуся на его голову. Вот ведь и правда говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. И стал Саша проматывать нажитые непосильным трудом деньги почивших родоков.

Он купил себе новый мощнейший игровой компьютер, хотя и предыдущий был хоть обзавидуйся. Наказывал всяких примочек для геймеров и атрибутику любимых игр, сериалов и прочих развлекательных элементов. Также повадился затариваться на сайтах для взрослых и опробовал всяко-разно, от чего его бедные родители, наверняка, переворачивались в своих тесных гробах. Он даже думал о том, чтобы заказать девушку по вызову, но слишком уж стеснялся, посему решил ограничиться ручным трудом и другими доступными средствами.

Саша заказывал всякую ерунду на заморских сайтах, резался в платные онлайн игры, покупал по интернету одежду, которую лишь только планировал поносить – в общем, чего только ни выдумывал, лишь бы ничего не делать.

Удивительно, но вскоре ему это надоело. К тому же жиртрест в зеркале вызывал жуткое отвращение. Чтобы распрощаться с ним раз и навсегда, Саша даже предпринял попытку сократить потребление пищи, но хватило его ровно на час, после чего он заказал двойную порцию всякой дряни и наелся до отвала. Спорт закончился, не успев начаться. Саша решил отжаться и вжался «пятак» в пол, после чего долго ругался и на пол, и на «пятак», который дико разболелся, но, на счастье и удивление, не сломался.

Режим дня был больше похож на режим ночи. Саша сидел до рассвета, без сил полз в кровать, которую никогда не застилал и в которой не менял бельё вот уже несколько месяцев. И дрых даже не до обеда, а часов до трёх. Порой и к пяти умудрялся проснуться. Большую часть времени он пребывал в сонном мареве и забытии, голова была тяжелая и мутная, особенно если тонны жратвы заливались пивасиком.

Как-то он стал заказывать алкоголь покрепче, но вкуснее пива ничего не нашёл, посему решил на нем и остановиться. Хотя нет-нет, да выпьет шампанского, которое тоже было ничего, но как-то не вписывалось в образ настоящего мужчины, так что шло в ограниченных дозах. А вот пиво, пиво – так это ж первое, что характеризует настоящего мужика, что вы, что вы! Так что жирный Саша посасывал пивко, после которого храбрел настолько, что звонил в секс по телефону и от страха бросал трубку, стоило томному голосу на том конце произнести «Аллё».

– Скучно... – снова выдавил Саша и скорчил недовольную рожу.

Он сожрал всё, что только можно. И нельзя. Больше в него просто не лезло. Сериалы все пересмотрел, в игры поиграл, игрушки свои и для взрослых, и для маленьких оприходовал, по сайтам полазил, теперь вот сидел на диване, расплывшись всей сотней кило и, ковыряясь в носу, страдал от безделья. Заняться чем-то полезным он не то что не хотел, ему это даже в голову не приходило. Как можно думать о чём-то полезном, когда у тебя всё есть?

Так ничего и не придумав, Саша завалился спать. Но сон не шёл, ибо подъём был буквально час назад, несмотря на то, что день клонился к вечеру. Тогда Саша взял ноутбук, потому что тащиться к компьютеру было лень, и снова стал сёрфить по интернету в надежде наткнуться на что-нибудь более-менее стоящее.

Лента новостей в его любимой социальной сети пестрела заманчивой фигнёй. Саша безучастно листал картинки, кое-где улыбался, тексты проматывал, не желая утруждать себя чтением, и тут остановился на фотке одной из бывших одноклассниц. Она смотрела на него с экрана прищуренными глазёнками и светилась белоснежной улыбкой. Из одежды на ней было только бикини, еле прикрывавшее то, что нужно прикрыть. Фоном служили белый песок и залитые солнцем пальмы, прям как в рекламе «Баунти». Тут же Саше захотелось этого самого «Баунти», он мигом полез в свои запасы и заглотил сразу две пачки макси размера, попутно разглядывая фотографии с райского острова.

«Она вон катается, а я че, лох, что ли?» – подумал Саша и стал искать туры «Всё включено». Турции и Египты со своими войнами и неэлитарностью отменялись сразу. Нужно было что-то покруче. Бали, Лазурный берег, Доминикана, Сардиния, Гавайи или Куба. А может, Мальдивы или Сейшелы?

Саша отродясь не бывал за границей. Родители его работали в поте лица, и им было не до туристических поездок. Сначала оба пахали в серьёзной фирме, не видя отпуска, потом решили состряпать свою, где и пропадали и днём и ночью. Вечные деловые поездки, включая заграничные, куда Санечку никто и не думал брать. Так он и сидел на Родине безвылазно, потому что одного его тоже никуда не пускали. Ну а теперь, чего теперь-то тут задницу просиживать?

После долгих метаний Саше приглянулись Мальдивы. Не, ну а кто не хочет на них махнуть? Вот и Саша захотел. Виза не нужна, райские островки, белоснежный песочек, пальмы, девушки в бикини, всё как надо. Только вот жучки там какие-то кусачие, пижут. Так что Мальдивы Саша в уме держал и шерстил дальше в поисках места для идеального отдыха. Некоторые вон спину гнут, копят, чтобы сбылась мечта идиота, а этому вот идиоту и корячиться не нужно, так за чем же дело стало?

Да был один моментик: паспорта заграничного у Саши не наблюдалось. А какая же это морока его получить-то! Надо подать заявление на портале услуг, съездить сфотографироваться, а потом ещё и забирать его. Тьфу прям! По другому и не скажешь.

Саша сидел и думал, как же ему быть. Пролазил повсюду в сети в поисках услуги «загран на дом», но так и не смог найти легальный способ заполучить заграничный паспорт, не выходя из дома. Прошло уже несколько дней, а вопрос никак не хотел решаться. Фактически, так же, как и Саша не хотел морочиться с этим треклятым паспортом. Он продолжал разглядывать фото разных стран и континентов, приправляя их фотками знакомых из их заграничных поездок, и в итоге снова сам себе сказал: «А я что хуже, что ли?!», – и героически подал заявление через портал городских услуг. Слишком уж заманчиво красовались «товарисчи» на фотографиях. Слишком, чтобы Саша позволил им так развлекаться, пока он гниёт дома. Зависть – страшная сила, способная поднять даже Саньку.

К назначенному сроку он притащил свою тушку на такси, чтобы сфотографировать раздобревшую физиономию, которая будет красоваться на новеньком биометрическом паспорте.

Как же его утомляло ожидание, как же ему хотелось поскорее оказаться на тёплом песочке в окружении полуголых (а можно и абсолютно голых) красоток.

Мечтать-то он мечтал, только вот не совсем понимал, каким образом эти самые красотки будут его окружать. С чего бы? Тут на Родине-Матушке не окружают, а там поналетят как на то самое? Деньги. Деньги были ответом. Саша просто никому здесь не показывал своих гаджетов и миллионов, а там он сможет сорить деньгами, чем и привлечёт внимание ушлых красоток. Его совершенно не смущал факт того, что липнуть они будут вовсе не к нему, а к деньгам, даже не заработанным им самолично, а к полученным в наследство. Какая разница? Деньги есть? Есть. Красотки будут? Будут. И всего делов.

Так думать было проще, чем открыться страхам и переживаниям.

Интернет заманивал привлекательными фото всевозможных курортов: от хиповского Северного Гоа, где кучкуются растоманы и прочие неформальные личности, до фешенебельных Маврикий и прочих уголков «не для всех».

Примеривая на себя шкурки различных путешественников, Саша понял, что не видит свою массивную персону покуривающей «бамбук» с дредастыми парнями или медитирующей в позе лотоса; так что идею с Индией отнёс как неподходящую. Да и кого там ловить? В Сашином представлении, там кучковались любители искать пути просветления, так что заманить своим состоянием он никого не сможет, а душа его слишком забита свинными отбивными, «Контрой» и комплексами, чтобы показаться хоть сколь-нибудь интересной гибким йогиням с нефритовыми яйцами.

Серьёзным фактором была и еда. Тёлки тёлками, а обед по расписанию! Начинающему путешественнику было крайне важно иметь постоянный доступ к жратве, да и не к какой-нибудь там, а вкусной и разнообразной. После долгих и мучительных терзаний выбор всё же был сделан, и Саша намылил лыжи во Вьетнам.

Фото белого песочка, рекламные картины с восточными красавицами и небывалое разнообразие всякой вкуснятины, которая решила Сашину судьбу. Вьетнам, так Вьетнам! Интересный тур с хорошими промо материалами, обещавшими незабываемый отдых, заставил Сашу заведомо влюбиться в эту далёкую страну и выложить кругленькую сумму.

Мысль о перелёте не доставляла никакого удовольствия, тем более, что предстояла пересадка в Ханое и ночёвка в местном отеле. Саша предпочел бы телепортатор, но за неимением одного в назначенный срок водрузил свою тушу в такси и помчался в аэропорт.

Тут же его встретили неприветливые пробки с фырчащими выхлопными газами тачками, колымагами и назойливыми байкерами со свистом проносившимися вдоль отбойника. У водилы громыхал «Владимирский централ» на радио «Шансон», которое тот включил, поняв, что клиент не собирается развлекать его беседами. Саша был скромным пареньком, точнее, крайне зашуганным и стыдливым, поэтому копил недовольство внутри вместо того, чтобы просто попросить убавить звук или вырубить надоедливый музон.

Оказавшись на месте, Саша поблагодарил извозчика, мысленно проклянув его на прощание и в качестве санкции лишив чаевых, которые хотел поначалу оставить.

Огромный аэропорт, кишачий людишками – что за наказание?! Саша миготнул от ужаса и замер у входа. Впереди ждали металлодетекторы и жерла сканеров для сумок.

– Простите, – недовольно фыркнула дама, оттолкнувшая оцепеневшего Сашу, и бросила свой чемоданчик на ленту.

«Сука», – подумал он злобно и попытался сглотнуть ершистый ком в горле.

Его снова кто-то задел. На этот раз мужчина в идиотском костюме, как на рекламе часов. «Да кто, вообще, такие носит?! Пижон».

Когда Саше надоело быть мишенью для тычков, он осторожно приблизился к рамке.

– Поставьте, пожалуйста, чемодан и сумку на сканнер, – попросил сотрудник аэропорта, за что тоже получил от трясущегося жиотреста порцию так и не произнесенных вслух ругательств.

Когда «страшное испытание» было пройдено, Саша мигом направился позвать. После пережитого стресса ему было просто необходимо успокоить себя хорошей порцией картофеля фри и парочкой бургеров с колбой или пивасиком. Он заказал себе куриный сандвич и бургер Джек Дениэлс с двойной порцией картофана. Торопиться было некуда, у Саши был билет в бизнес класс и пройденное онлайн бронирование, так что он мог спокойно посасывать пиво и запихивать в себя свои калорийные лакомства.

«И чего я так рано припёрся? – думал он, проклиная диспетчера такси, который говорил ему, что путь может занять в два раза больше времени, чем оказалось. – Ну хоть поем по-человечески...» С такими мыслями, Саша нажёвывал свои бургеры, роняя крошки на стол и соус на рубаху. Его пальцы лихо захватывали картошку, макали в соус и закидывали в топку его бездонного организма, затем хватались за холодный стакан, оставляя на нём жирные разводы.

Еда была для него культом, его воздухом и жизненной необходимостью. Он не мыслил себя без еды, хотя ненавидел то, во что она его превратила. Проходя мимо зеркальных поверхностей, Саша стыдливо отворачивался в сторону, чтобы не видеть своего отражения. Пока он сидел дома, страх и стыд умело прятались под слоями жира и складками на животе, но вот на людях они резво выползали наружу и начинали гнобить своего брюхатого обладателя.

Без еды ему было страшно и грустно. Она заполняла разрастающуюся с объёмами внутреннюю пустоту и беспросветное одиночество. Сначала Саша заедал обиду на вечно бросающих его родителей, теперь – на весь мир, в котором такие, как он, вовсе ни к чему.

Кругом было много девушек, но все они были недоступны. Некоторые из них уже «спарились», а некоторые были просто слишком хороши для такого, как он. Даже Катя Петрова с параллельного курса с кривыми волосатыми ногами, такими же зубами, только без волос, и с жиденькими волосёнками на голове побрезговала бы его обществом. Что уж тут говорить о других? Дикий страх заставил Сашу вжаться в сиденье, умять заказ до победного конца и заказать ещё рёбрышек, чтобы хоть немножечко компенсировать навалившиеся переживания.

Он страдал, оттого что ел, и ел, оттого что страдал. Разорвать этот порочный круг он даже не пытался, надеясь отыгаться на вертихвостках в Ханое. Ну как он будет привлекать дам в аэропорте? Светить кошельком прямо перед носом? Показывать сумму на счёте в банке? А там, на курорте, все будут расслаблены, и Саша станет демонстративно тратить бабло, чем без проблем и приманит красоток, готовых на всё за толстый кошелёк – даже биться головой об толстое пузо.

После того, как в желудке разместились приятная тяжесть, давшая мозгу сигнал направить все силы на переваривание потреблённой мешанины, Саша почувствовал резко навалившуюся сонливость и переключился в зал ожидания для пассажиров бизнес класса.

Это был просторный зал с удобными креслами вместо стандартных неудобных сидюшек. Народу было не очень много, так что Саша без проблем разместил свою увесистую сонную тушку на мягкий диван, который ни с кем не пришлось делить. Он делал вид, что является крутым чуваком, конечно же, каким-нибудь бизнесменом, а не компьютерным задротом, который отхватил денег за счёт смерти своих родителей.

Оглядывая окружающих, Саша чувствовал себя крайне некомфортно. Он прекрасно видел разницу между ними и им самим, хотя отчаянно пытался поставить себя на их уровень. Несмотря на большие финансовые залежи, его отец с матерью никогда особо не баловали сыночка и не жили в роскоши. Они считали, что иначе извратят Сашеньку и сделают его плохим человеком. Поэтому он жил лишь немного лучше, чем его знакомые, и даже не подозревал, чего был лишён. Как ему было жаль, что его не избаловали! Он сейчас так страстно желал,

чтобы когда-то давно его родители приняли совершенно другое решение, и ставил «незачёт» в их экзамене на воспитание.

Не балуя деньгами и атрибутами богатой жизни, они не баловали его и вниманием, поэтому вместо воспитания в нём доброты и «правильности» горе-родители оставили внутри сына пустоту, которую тот заполнял едой, компьютерными играми и прочими вещами, не приносившими ему никакой практической пользы окромя вреда.

Вскоре мимо его дивана прошёл мужчина в знакомом костюме. Это был тот самый франт, посторонивший его у входа в аэропорт. Сашу тут же что-то больно кольнуло, горькая досада сжала переполненный желудок, и он снова мысленно охаял его наряд. Где-то в глубине тщедушной забитой душонки Саша очень хотел быть таким же: элегантным, подтянутым, привлекательным и уверенным.

Тут очень кстати он увидел буфет, удивившись, что только сейчас обратил на него внимание. Видимо, сказался стресс. Недолго думая, он пошёл ознакомиться с ассортиментом шведского стола, на котором все ожидающие бизнес зала могли поживиться совершенно бесплатно. Дармовая жарка даже Рокфеллера не оставила бы равнодушным, а уж Сашу и подавно. Он хорошенечко наполнил свой подносик, взял супчик, салатик, второе из котлетки и пюрешечки и, конечно же, булочек с чайком на десерт. Ну и пару стаканчиков сока, куда уж без этого? Уминая сие великолепие, Саша смог заметить франта, завязавшего беседу с какой-то милой дамой лет двадцати. Он говорил что-то, а она смеялась, как дурочка, будто перед ней сидел сам Петросян. Это крайне подпортило и без того не самое лучшее настроение, но на Сашин грандиозный аппетит никак не повлияло. Он жевал и тихонечко ненавидел франтика. Чем больше жевал, тем больше ненавидел. И чем больше ненавидел, тем больше жевал, поэтому вскоре сделал ещё один подход к столу. Люди, особенно работники буфета, стали косо поглядывать на увальня-проглота, так что это остановило разошедшегося едока от нового набега на манившую его провизию.

Немного поварившись в зыбучих негативных мыслях и чувствах, Саша не заметил, как его сморил сон. В своём сумбурном сновидении он видел шикарных красоток в бикини, попивающих «Дайкири» и плещущихся в бассейне. А он просто наблюдал, не делал ровным счётом ничего в совершенно нелепом костюме папуаса, юбочка которого была сделана из зелёненьких купюр и не скрывала всех недостатков его грузного рыхлого тела. И здесь был он, этот франт, всё ещё в своём костюме от, безусловно, именитого дизайнера. В костюме у бассейна – вот лох! И всё же даже при таком раскладе Саша ему завидовал. В своём должном быть счастливым, но крайне неприятном сне, он был отвратителен, а франт мужественен и привлекателен. Девушки вились вокруг него, а тот с чувством явного превосходства ровно сидел на шезлонге и пил из хрупкого бокала, будто набежавшие красотки не были ничем сверхъестественным в его идеальной жизни.

– Последний вызов на посадку для пассажира Александра Тютюшкина, вылетающего рейсом 1724 в Ханой. Немедленно пройдите к выходу на посадку номер 3.

Санька аж подпрыгнул. Он мигом схватил свои манатки и со всех ног помчался к гейтам. Разбрасывая на пути всех и вся, он всё же успел до закрытия дверей и весь взмыленный проследовал на своё место. Его невозмутимый сосед лишь немного поджал губы при виде грузного детины, надухарившегося от всего сердца и смешавшего ароматы парфюма с потом.

«Опять этот урод», – с досадой подумал Саша, видя, что соседом его будет никто иной как тот самый франт. Он уже уютно расположился у окошка и, по всей видимости, надеялся, что с комфортом долетит в полном одиночестве, а тут привалило такое огромное «счастье».

Саша молча плюхнулся в кресло, кое-как вставив увесистые бока, и сделал вид, что не замечает мужчину в костюме. Тот тоже вовсе не горел желанием общаться, так что спокойно отвернулся к окошку и уставился на терминал, в окнах которого виднелись пассажиры, ожидавшие своих рейсов.

За пару минут до взлёта франт позвонил какой-то девушке и, поворковав с ней, отключил телефон. Сашу мучила гремучая смесь зависти, ненависти и чувства собственной никчёмности. «Лучше бы сидел дома», – пронеслось у него в голове, и тут началось самое страшное – взлёт. Саша никогда не летал на самолётах, поэтому был не готов к поджидавшим его ощущениям. Когда эта махина оторвалась от взлётной полосы, он в прямом смысле почувствовал, как земля ушла из-под ног. Это его, мягко говоря, напугало. Тут же сжалось всё, что только может сжиматься, и горе-путешественник зажмурился, как в детстве мечтая, чтобы это был только сон. А ведь это всего-навсего первые мгновения полёта! И как он выдержит несколько часов к ряду?! Как эти люди вокруг могут оставаться такими спокойными? И как полмира может летать по много раз в жизни? Нет! Это первый и последний раз. Ага. Из четырёх полётов – два туда, два обратно. Ну или придётся обосноваться в Ханое навсегда.

Еда немного притупила чувство страха, и приятная сонливость стала охватывать всё Сашино существо. Но как он мог позволить себе уснуть? Случай в зале ожидания отбил у него всякую охоту дрыхнуть вне дома. Вдруг он пропустит посадку, и самолёт улетит вместе с ним в неизвестном направлении? Вдруг начнёт падать, и он не сможет спастись, потому что бездарно продрыхнет свой собственный шанс на жизнь?

В итоге большую часть полёта Саша провёл в полудрёме и беспокойных елозаннях в кресле. Не раз он бегал в туалет сбрасывать продукты пищеварения, так и рвавшиеся на свет белый от переизбытка волнений. А франт, казалось, вообще не какает и не писает, словно пластмассовый Кэн, такой же идеальный, как длинноногая Барби.

«Небось у него там всё пластиковое и прилизанное», – ехидно подумал Саша и снова побежал в толкан под аккомпанемент бурлящего кишечника.

Заход на посадку оказался для Саши новым испытанием. Только он успел успокоиться, поняв, что не весь полёт напоминает езду на американских горках, как при взлёте, – так на тебе. Он снова захотел воспользоваться туалетом, но был вынужден сидеть пристёгнутым и силящимся не обгадиться.

Спустившись с трапа самолёта после удачного приземления, Саша готов был поклясться, что больше на самолёт ни ногой. Но как говаривала его пропитая двоюродная тётка, «куда он денется со сраной жопой»? Саше не была понятна этимология данного выражения, но суть его он знал на отлично. Завтра Саша снова будет вынужден тащить своё нечистое вышеупомянутое место в салон очередного лайнера и терпеть ужас перед, во время и после полёта.

Он рассчитывал одним из первых забрать чемоданы с багажной ленты, но не тут-то было. Несмотря на бизнес класс, его пожитки оказались среди чемоданчиков пассажиров эконома. Какое неуважение к платёжеспособным гражданам! Кое-как стащив пожитки с ленты, он пошёл на выход, где его должны были встречать с табличкой с его именем.

Вместо привычных кириллических символов, его ждала абракадабра на латинице. Прямо как в его загранпаспорте. Не будучи сильным в языках, как и во всём остальном, Саша с трудом понял, что на данной табличке значится именно он, и осторожно подошёл к вьетнамцу в годах, который и держал эту самую табличку.

– Александр.

– Hello, Alexander. Great to meet you. I'm Bao and I'll drive you to the hotel. Let's go, – протараторил вьетнамец.

Спустя несколько секунд до Саши частично дошёл смысл услышанного, и он направился за таксистом.

Всю дорогу тот пытался что-то рассказывать и, судя по тону, спрашивать, но бедный Саша мог уловить только отдельные слова. Поэтому, скорчив, недовольную рожу, он выдал с жутким акцентом:

– Ай донт спик англиш.

Это явно раздосадовало мужичка, но он только улыбнулся и сказал:

– Okay-okay, I'll just be driving.

Несмотря на лицо кирпичом, Саша был крайне смущён и пристыжен своим очередным несовершенством. Даже соседская девочка Катя шпарит так, что уши вянут, а ведь она только в седьмом классе. Но чтобы не опуститься на самое дно отчаяния, Саша снова бросился в самообман и провозгласил, что знание языков – совершенно ненужная фигня.

У отеля он вальяжно выбрался наружу и позволил водителю вытащить его чемоданы и допереть до стойки регистрации. Там он пренебрежительно сунул ему на чай, давая понять, что несмотря на его английский, он таскал его чемоданы, а не наоборот.

Номер был вполне приличный, особенно Саше понравился туалет, который он тут же и оприходовал. Впереди были целые сутки, можно было успеть посмотреть город, погулять по окрестностям и познакомиться с местной культурой, но сперва-наперво Саша завалился поспать, даже не ополоснувшись после утомительного перелёта, в течение которого он успел изрядно пропотеть.

Он усиленно храпел, пока видел дурацкие сны всё о том же молчаливом соседе в костюме. В какой-то момент он храпанул так, что сам же себя и разбудил.

За окном было светло и солнечно, погодка так и манила, но Саша спешить не стал. Первым делом решил заказать себе еду в номер. На специальном столике роились всяческие полезные бумажки и рекламки, включая меню ресторана отеля. Яркие картинки демонстрировали аппетитные блюда Вьетнамской и Европейской кухонь, но толку от них было мало, так как все названия были указаны на вьетнамском и английском. Несолоно хлебавши Саша вытащил себя из номера и побрёл в ресторан, чтобы самолично ткнуть пальцем в то, что он захочет съесть.

Уже на подходе к общепиту сквозь распахнутые двери он увидел за одним из столиков франта, сидевшего спиной ко входу. Сказать, что созерцание данного субъекта отбило у Саши аппетит, было нельзя. Мало что в этом мире имело столь сокрушительную силу. Недолго думая, Саша изменил траекторию своего движения и выбрался на улицу, чтобы подзаправиться в какой-нибудь кафешке.

Спросить дорогу было не у кого, несмотря на людей, сновавших туда-сюда. Кругом было много вьетнамцев и пара-тройка туристов. Неподальку виднелось что-то похожее на кафе, и Саша намылил лыжи в сторону постройки, вскоре подтвердившей своё назначение манящим ароматом. Пахло мясом, мятой и специями. Сама же улица приятным запахом похвастаться не могла.

Саша ввалился в заведение и плюхнулся за столик на веранде. К нему миглом подбежала улыбчивая вьетнамка и на ломанном английском стала приветствовать, в прямом смысле, большого гостя. Тот опять ничего не понял и выдал свою коронную фразу с жутким акцентом. Вьетнамка перестала тараторить и всё с той же улыбкой сунула Саше меню.

Его мелкие глазёнки тут же забегали по красочным фото, пытаясь насытиться образами разнообразных блюд. Чего здесь только не было! И Саше хотелось попробовать всё и сразу. Но толика благоразумия остановила его от опрометчивого решения набивать брюхо до отвала совершенно неизвестной жратвой. А вдруг там жареные тараканы, змеиная кровь и печёный крысиный помёт? Нет, Саша сделал по-умному: он заказал то, что крупным планом красовалось перед каждым разделом.

Вскоре на его столике выстроились аппетитные кулинарные изыски, коих он отродясь не пробовал. Сперва он оприходовал супчик «фо бо», который пришёлся ему по вкусу. Саша было думал заказать добавку, но всё же решил сперва расправиться с уже имеющимся провиантом. Его ждал вкуснейший салат «гой га» с мятой, орехами и курицей, который тоже пошёл на ура. Затем последовало какое-то интересное на вкус мясо, так же понравившееся Саше, не знавшему о том, что он захомячил крокодила. Помимо прочего его окружали всяческие закуски и напитки. Он съел кучу рисовых блинчиков с начинкой и навернул здоровенный кокосовый десерт с клубничным джемом.

Облизывая жирные пальцы, он понял, что любит эту страну всем своим желудком. До чего же вкусная еда у этих вьетнамцев! Не прогадал Саша с выбором тура, не прогадал.

Хорошенько поднаевшись, он захотел немножечко прошвырнуться по округе, но вскоре пожалел о своём решении. На улицах стояла вонь, и можно было наблюдать многочисленные свалки, повсюду шныряли мопеды, и это заставило Сашу быстренько срулить обратно в отель. Надо сказать, что сделал он это весьма кстати – вскоре после возвращения его живот начал выдавать интересные звуки, ставшие предзнаменованием диареи.

В холле Саша снова столкнулся со злосчастным франтом, только-только выплывавшим из ресторана. Но уже начав злиться, Саша понял, что это был вовсе не он. И вот из-за этого недо-разумения была упущена возможность отобедать в фешенебельном ресторане, вместо коего Саша отправился в забегаловку, спровоцировавшую его кишки на бунт.

Следующие два часа он провёл на унитазе, терпя последствия вьетнамских вкусов. Он уже сто раз пожалел о том, что ел непонятно что. Но всё это было так вкусно! Кто бы смог устоять? Уж точно не Саша.

Основательно прочистившись, кишечник наконец-то успокоился, и Саша прилёг вздрем-нуть после крайне изнурительных баталий.

Снилось ему что-то в стиле «Эмануэль», довольно пикантное и привлекательное. Но на самом интересном месте образы стали куда-то проваливаться, и Саша понял, что у него над ухом трезвонит мобильный. Он сонно ответил на звонок и мигом вскочил на пухлые ноги. Сообщили о приезде такси в аэропорт. Ну какие же молодцы эти организаторы тура, а! Только вот могли бы и заранее напомнить, чтобы он успел проснуться и хоть немножечко привести себя в порядок. Но сейчас на это времени уже не было. Саша быстро похватал пожитки – благо, всё было запаковано и готово к отправке.

Он быстренько сдал ключи на респшене и вальяжно проследовал к авто, чтобы таксист не подумал, что он какой-то там лох.

В самолёте ему досталось уютное место у окошка. Пассажиры с предыдущего рейса, с которым у этого должна была быть стыковка, всё ещё болтались где-то далеко в небе из-за позднего вылета, так что самолёт оказался полупустой. Несмотря на это, рядом с Сашей уселся некий джентльмен. Его светлые волосы чуть вились, глаза были голубыми, как в пошлых жен-ский романчиках, прям как и его подкаченное тело, будто специально созданное для зависти таких, как Саша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.